

ТИМОФЕЙ СЕРГЕЙЦЕВ
ДМИТРИЙ КУЛИКОВ
ПЁТР МОСТОВОЙ

ИДЕОЛОГИЯ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

2-е издание, дополненное

Петр Мостовой

**Идеология русской
государственности.
Континент Россия**

«Питер»

2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Мостовой П.

Идеология русской государственности. Континент Россия /
П. Мостовой — «Питер», 2021

ISBN 978-5-00116-621-4

В книге впервые систематически изложены идеологические основания российской государственности. Авторы утверждают, что идеология, запрос на которую сегодня общепризнан, является опирающимся на историю прикладным знанием, которое обеспечивает практическое понимание хода социальных процессов, сознательное успешное участие в них, включая политическую активность. Для авторов идеология – выученный урок истории России, её народа и государства в их взаимоотношениях, русская цивилизационная стратегия. На этой основе книга отвечает на вопросы: кто мы, откуда и куда идём, каким должен быть ответ России на вызовы современности, какое место в меняющемся мире она способна занять. Второе издание дополнено новым разделом, посвящённым конституционализму и его историческому развитию в России, а также Лексиконом идеолога – тезаурусом основных понятий идеологического мышления. 2-е издание, дополненное. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00116-621-4

© Мостовой П., 2021

© Питер, 2021

Содержание

Предисловие к первому изданию	6
Предисловие ко второму изданию	7
От авторов	8
Часть I. Континент Россия: сумма русской идеологии	10
Часть II. Философия истории русского государства	18
II.0. Древняя Русь. Предгосударство	18
II.0.1. Миф, легенда и история являются знаниями	18
II.0.2. Русский миф, его легенда и начало русской истории	20
II.0.3. Создание русского народа	23
II.0.4. Единство как основа будущего русского государства	25
II.1. Долгое государство Ивана III Великого	31
II.1.1. Иван III Великий – государь всея Руси	31
II.1.1.1. Первое русское государство – империя	31
II.1.1.2. Первый русский государь – строитель государства	33
II.1.1.3. «Новгородская альтернатива» и победа государства над олигархией	34
II.1.1.4. Тверь, Север и Урал: внутренний рост империи	36
II.1.1.5. Русский суверенитет	37
II.1.1.6. Между Востоком и Западом	39
II.1.1.7. Государь всея Руси	41
II.1.1.8. Самодержавие как уникальная связь государя и государства	44
II.1.1.9. Служба как основание собственности и власти в условиях государства	46
II.1.1.10. Судебник: государство и право большой страны	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Тимофей Сергейцев, Дмитрий
Куликов, Пётр Мостовой
Идеология русской
государственности. Континент Россия**

© ООО Издательство "Питер", 2021

Предисловие к первому изданию

Смелая книга. Смелым является даже само название из трёх слов, каждое из которых раздражает тех, кто относительно недавно самоназвался «креативным классом». Идеология... О ужас! Русской... А почему не российской? Государственности... Так ведь ещё в 90-е сами эти однокоренные слова – государство, государственный, государственность – были прямо-таки ругательными. А тут такая гремучая смесь, сгусток: «Идеология русской государственности». Лихо.

Идеология? Так ведь она всегда есть. Как погода. Не бывает же так, что нет погоды. Какая-то да всегда есть. Так и с идеологией. Поэтому не боимся. Вникаем и даже формируем.

Русское? Да, но авторы далеки от этнического национализма. Они просто считают, что русские не могут уходить от ответственности за созданное ими государство как семью «вошедших под его защиту народов». И каждый ценен. И каждый по мере сил семью крепит. Да в другой и не выжили бы они.

Наконец, государственность. У нас уже был опыт 90-х, когда мы вместо государства строили демократию, с чужих слов полагая, что из демократии всё само собой образуется. Не образовалось. Путин подхватил государство у точки невозврата и создал устойчивую модель, которая и после него будет работать. В книге Путин – автор целой исторической фазы русской государственности. Четвёртой по счёту. При этом первая фаза – долгое государство Ивана III, далее – модель Петра Великого, третья фаза – государство Ленина—Сталина. И вот мы в четвёртой, которую дерзкие исследователи считают «фактически конституционной монархией с принципом передачи власти преемнику через народное голосование».

Мы как-то уже привыкли считать, что российская история по вертикали разрезана дважды – в 1917 и 1991 годах. И когда мы ссылаемся на традицию, то ссылки выходят взаимоисключающими, ведь одни считают лучшим советское время, а другие – царское. Авторы доказывают преемственность разных моделей русской государственности: «Современная Россия строится на рефлексии опыта советского коммунистического народовластия и является продолжением *всей* истории России».

Основа нашей многовековой идеологии – правда и справедливость. А все зигзаги России – самоотверженный поиск правды и моделей справедливости. Мы и дальше останемся привержены этим высшим для нас ценностям. Под них и подстроим модель своего государства, которую сочтём подходящей для нас. Главное в ней – крепость и неуязвимость. И авторы отстаивают это со всей ясностью: «Российское государство, в том числе и государство Путина, не может быть устроено так же, как США, поскольку оно исходит из исторической стратегии контроля и организации власти, а потому организовано иерархически».

В книге множество интереснейших фактов. Давней истории посвящена лишь четверть. Главный упор – на анализ нынешней фазы. И здесь полно, казалось бы, парадоксальных мыслей. Когда привыкаешь к ним, то становишься сильнее. Вместе со всей Россией. Не бойтесь пустить их в себя. Наслаждайтесь.

Дмитрий Киселёв, журналист и телеведущий, генеральный директор МИА «Россия сегодня»

Предисловие ко второму изданию

В процессе написания этой книги мы поняли, что она должна быть адресована *практикам истории* – тем, кто, как и мы сами, стремится сознательно участвовать в её формировании – собственной истории, своей страны и в конечном счёте человечества. А значит, нам не следует уклоняться от соприкосновения со «злобой дня». Мы не пишем *хронику текущих событий*, как это делают те, кто ждёт оценки этих событий *от других*, чтобы затем послушно ей следовать. Мы анализируем происходящее, чтобы *самим* осмыслить и оценить его.

После выхода в свет первого издания «Идеологии русской государственности» были приняты обширные и существенные по содержанию поправки к Конституции России.

Часто приходится слышать упреки в «слишком позднем» появлении конституции в России, что и признаётся то ли причиной, то ли симптомом (в зависимости от взглядов говорящего) якобы «недемократичности» и «авторитарности» российской власти. В том же ключе кое-кто оценивает и новую редакцию Конституции, зачастую превращая *упрёк* в «отставании от развитых стран» в *обвинение*: как вы, русские, смее так упорно игнорировать *общепринятые каноны демократии*?

Да кто вам сказал, что они общепринятые? И бывает ли в реальной истории что-либо общепринятое?

Вот в этом мы и решили разобраться вместе со своими читателями.

Мы считаем, что для этого принятие новой редакции Конституции России следует внимательно рассмотреть, понять его смысл и определить его место в истории.

По нашему мнению, русский конституционализм является самостоятельной составляющей русской государственности, то есть *культуры построения государства*. Значит, с культурно-исторической точки зрения понятие конституции не может быть выведено исключительно из юридической действительности и не принадлежит ей – лишь форма конституции является юридической. Его действительный, то есть значимый для общественно-политической практики смысл становится ясен, если трактовать конституцию как *идеологический и проектный акт*.

Именно в таком контексте мы сочли необходимым рассмотреть конституционную теорию и практику – через призму их развития в истории России. Этому посвящён новый раздел книги (раздел III). Работа над ним существенно углубила наше понимание ряда периодов советской истории, особенно роли в ней Н.С. Хрущёва, чему посвящён полностью переработанный параграф П.3.4.1.

Отклики наших читателей, среди которых постоянно повторялся запрос на словарь терминов, специфических для идеологии и идеологического мышления, подтолкнули нас к разработке «Лексикона идеолога», который в настоящем издании добавлен к тексту книги в качестве приложения. Составленный в форме тезауруса, лексикон является самостоятельным понятийно-логическим инструментарием анализа социально-политических явлений.

Параграф, посвящённый политике советской власти в области культуры и образования, дополнен материалом, касающимся отношения государства к проблемам семьи и детства, необходимым для понимания их места в современной России.

И, разумеется, в текст книги внесены необходимые уточнения и исправлены обнаруженные ошибки.

Мы выражаем благодарность всем, кто высказал свои замечания или мнения о нашей книге.

Авторы

От авторов

На заре прошлого, XX, века, в начале эпохи мировых войн и социальных потрясений выдающийся русский философ Лев Тихомиров писал, что «история есть в значительной степени повествование о вообще крайне малой человеческой сознательности в деле устройства своего политического строя. Это одинаково проявляется в монархиях и республиках, у правителей и у народов»¹. Продолжая эту мысль, мы бы сказали, что подлинное размышление об истории всегда и есть способ обрести должную меру сознательности *здесь и сейчас*, в настоящем, когда история продолжается делами современников, нашими собственными делами. То есть способ помочь им и себе *делать* историю с открытыми глазами, взять её творение в собственные руки.

Что принципиально возможно. Потому что минувшее никуда не делось – оно продолжает существовать в настоящем как основание и неотъемлемое условие нашей жизни, как рамки, в которых мы действуем сейчас. Которые важно видеть, чтобы действовать сознательно. Так что адекватное понимание истории является ключом к практическому пониманию тех процессов, что происходят в обществе с нашим участием. Оно в равной мере нужно и тем, кого называют политическими и государственными деятелями, и тем, кого считают (или кто сам себя считает) «простыми гражданами». И те и другие, участвуя в общественных процессах, тем самым участвуют в истории.

Однако многочисленные рассуждения об истории, которыми сегодня изобилует информационная среда – в нашей стране, как и во всем мире, – не несут в себе *знания*, на которое мы могли бы опереться в собственной жизни. *Мы сами* – авторы этой книги – не могли бы ориентироваться в текущих событиях, если бы вынуждены были полагаться только на подобные рассуждения. Потому что последние *вообще не содержат никакого знания* об истории. Это всего лишь разнообразные *мнения* по поводу тех или иных *сведений* (как достоверных, так и нет) об исторических событиях. В то время как знание – это не просто совокупность сведений. Чтобы стать знанием, сведения должны быть признаны достоверными и приведены в систему. Достоверными, то есть проверенными всеми доступными науке методами и *выдержавшими эту проверку*. А система – это то, что позволяет эти сведения *сопоставлять* и делать на этой основе обоснованные выводы. Без этого из сведений рождаются лишь *домыслы* и не более того. А вовсе не *«гипотезы»*, как их теперь сплошь и рядом называют без всяких на то оснований. Потому что гипотеза (без кавычек) – это уже «полуфабрикат» знания, то, что как минимум пригодно для сопоставления с другими знаниями и находится в процессе проверки.

Но главное – знание *полезно*: оно позволяет понимать происходящее, совершать правильные поступки и предвидеть их последствия, осознанно нести на себе риски, принимать решения. И убедиться *на деле* в полезности знания – значит ещё раз его проверить, причём такая проверка – самая главная и определяющая как судьбу знания, так и нашу собственную.

А вот домыслы бесполезны и даже *опасны*. Неосознанно полагающийся на них плывёт в «житейском море», а не в истории – по воле волн, без компаса, карты, руля и ветрил. Поэтому те, кто нам свои домыслы предлагает «на продажу» в надежде, что им поверят, просто «гонят волну» и рассчитывают, что она подхватит нас и унесёт туда, куда хотелось бы провокатору – вольному или невольному. Полезное знание о «воле волн» у этих «продавцов» может быть и есть, но *нам* они его не сообщают.

Не должны нас сбивать с толку и *«дискуссии»* на исторические темы, особенно погружённые в социально-политический контекст. Подлинная дискуссия (без кавычек) или спор по существу – это *коллективное размышление* по поводу знаний и гипотез. Её цель – проверка

¹ Тихомиров Л. Монархическая государственность. М., 1905.

гипотез и перепроверка знаний, а не победа в споре. А то, что выдают за «дискуссию» в СМИ и интернете, это *конкуренция мнений* или – ещё чаще – всего лишь персон, кто эти мнения высказывает. «Поверят мне или ему?» – вот в чём вопрос. Чья волна круче и больше легковерных с собой унесёт? Легковерие – питательная среда информационной борьбы (войны), а конкуренция мнений – её метод. Даже и победа в информационной войне не подскажет нам, что делать.

Такое положение вещей не может оставить равнодушными, как мы полагаем, не только нас, но и многих людей в нашей стране. Тем более что конкуренцией мнений захвачено уже не только публичное информационное пространство, но и сама историческая наука.

Мы не должны забывать, что история – это коллективная память народа. В определённом смысле *живая история – это и есть сам народ*. Человек, лишившийся памяти, перестаёт быть собой, перестаёт существовать как *этот* именно конкретный человек. Его можно заново воспитать, снабдить «протезом памяти», но это будет уже совсем *другой* человек, причем инвалид. Народ, лишившийся истории, перестаёт существовать как народ. А народ, снабжённый «протезом» внушённой ему «альтернативной истории», станет другим народом – народом-инвалидом. В обоих случаях прежний и полноценный народ перестаёт существовать. **Это означает, что информационная борьба, кто бы её ни вёл, – это борьба против истории и это война на уничтожение народа.**

Что заставило нас внимательно рассмотреть всё, что мы знаем о нашей истории, и постараться определить, что в ней самое важное. **Чего мы не хотим лишиться ни при каких обстоятельствах.** Мы погрузились в историю России **для этого**. Сначала мы делали это для себя, в интересах собственной профессиональной и общественной деятельности. Так что тут не было попытки *написать* или *переписать* историю. Это было попыткой осмыслить, чем является история нашей страны и нашего народа *для нас самих*, а значит – понять и своё собственное место в ней. **Необходимо знать, кто мы такие, откуда и куда идём, каково наше лицо, личность. В противном случае ничего у нас не будет – ни имущества, ни земли-страны, ни самой жизни. Всё отберут чужие. Потому что только у личности, у того, кто твёрдо знает, кто он и как его звать, в принципе могут быть какие-то права.**

Так создавалась эта книга. Надеемся, что её чтение окажется полезным и для вас, уважаемые читатели. В книге нет претензии на всеобъемлющий охват российской истории. Зато она опирается исключительно на твёрдо установленные исторической наукой факты. Русские существуют. Россия существует. Уничтожить или покорить её не удалось. Это самое большое государство мира. И так далее. Вместе с тем книга содержит плоды нашего *личного размышления* об истории. Поэтому мы постарались отойти от привычного формата исторических трудов, когда история «заканчивается» десятилетия тому назад. Чтобы понимание истории было *полезно здесь и сейчас*, оно должно охватывать и современность, которая тоже становится историей каждое мгновение.

Часть I. Континент Россия: сумма русской идеологии

Многое в этой книге – «всего лишь» прописная истина. Но истина как бы выбывшая из обязательного ежедневного употребления, подзабытая, сознательно замалчиваемая или грубо, до неузнаваемости искажаемая. Нужно помнить, что «все мы карлики, сидящие на шеях гигантов», как считал Исаак Ньютон. В отличие от естественных наук значение авторитетов в сфере идеологии сохраняется. Но со временем мы перестаём их *понимать*. Идеологическая традиция требует осмысления *каждый раз* при изменении исторических условий. Русская идеология предшествовала созданию русского государства. Русскими идеологами были государи и патриархи, русские святые и русские безбожники, летописцы и историки, поэты и учёные, политики и общественные деятели, коммунисты и беспартийные. Русская идеология связывалась и складывалась в замыслы и программы формирования русского государства – главного нашего достояния.

Возможен вопрос: кто «придумывал», замышлял русское государство? Какую роль в этом сыграла «интеллектуальная дискуссия» – Ивана IV Грозного с князем Курбским, Алексея Михайловича Тишайшего с патриархом Никоном, реформаторов обряда с Аввакумом, западников со славянофилами, либералов с патриотами? По нашему глубокому убеждению, именно русские государи (и их ближайшее окружение, непосредственно с ними связанное) – начиная со святого равноапостольного князя Владимира – *и были главной интеллектуальной силой русской истории, обеспечивая её преемственность и концентрируя в себе весь предшествующий опыт.*

Интеллигенция появилась на свет благодаря последовательным просветительским инициативам государей. Эта постоянная вторичность её происхождения, включая раннюю, церковную, интеллигенцию, а также явный *дефицит мышления, то есть последовательного исторического анализа собственного опыта*, культурной преемственности, склоняли ход дискуссии в русло оппозиции власти, по преимуществу – политической борьбы, а не участия в проектировании.

Даже и позднейшая советская интеллигенция – снова вторичная и созданная как бы на пустом месте в основной *массе* из неграмотного народа – и та страдала старым русским *теократическим комплексом* (теперь уже в варианте *человекобожия*), хотела от власти своего обязательного участия *в принятии решений*, навязывала себя в качестве совести, хотя сама оперировала в основном книжными знаниями вне контекста их создания и применения.

Идеология нуждается в серьёзном и критическом отношении к проектам и предсказаниям предшественников, ко всему, что доказало свою состоятельность, в обязательности выводов из уже известного нами. Идеология – это надёжная, *детальная* память о победах и поражениях, знание их причин и обстоятельств, понимание закономерного и случайного, подлинных мотивов людей. Идеология требует постоянного размышления с учётом новых данных и обстоятельств, *а вовсе не формальной оценки и деления всего на свете на хорошее и плохое.*

Идеология не может ограничиваться известным и авторитетным, иначе её ждёт судьба советской идеологии – извращение её сущности. Советской идеологии плохую службу сослужила её общеобязательность, попытка политической монополии большевиков/коммунистов превратить идеологию в *светскую веру без Бога и догму*. Идеолог же должен *рисковать*, самостоятельно рассуждая, поскольку эту работу за него никто не сделает. Он должен ставить *проблемы*, определяя, чего *именно* мы не знаем, на какие вопросы не имеем ответов, какие решения не имеют не только оснований, но и способов их нахождения. Идеолог работает в ситуации действия *на границе знания и веры*, и его дело – обеспечить деятеля всем доступным необходимым знанием, осознавая принципиальную недостаточность последнего, его спорность, непол-

ноту. Идеология не избавляет действие от риска, но делает риск осознанным и максимально управляемым. Идеология есть *практический разум, ум*.

Русский «приват-доцент» традиционно не любит идеологии, как и проявлений ума вообще. «Приват-доцент» – в безопасности, он ничего не делает, ничем не рискует, пересказывая написанное другими, *преподаёт*, не задавая себе – и читаемым авторам – вопросов: зачем они это писали? Для кого? Где авторы лгут сознательно, а где добросовестно заблуждаются? Ведь разбираться в этом считается в преподавательской среде неуважительным и неприличным. А уж собственные теории им дороги как дети. Тем более нельзя задавать вопросы о том, *зачем и для чего* созданы эти теории. На них во многом построено социальное благополучие их авторов. Причём как в плане карьеры (формального признания заслуг), так и со стороны политической ориентации.

В отличие от современного «приват-доцента», идеолог осваивает и продолжает основную научную традицию – сомневаться. И всегда готов заново построить теорию конкретного действия в конкретной ситуации, опирающуюся на передачу и понимание опыта предшественников, а только такие теории и эффективны.

Преподавание гуманитарных дисциплин только тогда станет осмысленным и полезным, когда оно будет осознано, отредактировано и подано как *честное и открытое идеологическое обеспечение человеческой деятельности*. Идеология в первую очередь призвана обеспечивать *политику и войну – и всякую социальную стратегию вообще*. Но она также нужна при любом смелом *индивидуальном* человеческом начинании. Именно идеология и размышление о ней дают индивиду силу противостоять конформизму общества, дают шанс на успешное *личное действие*.

Те, кто хочет лишить нас идеологии, а значит основного средства выживания в условиях политических, экономических, культурных и социальных изменений, кризисов и катастроф, доказывают, что идеология – это *принуждение к определённому образу мыслей*. Это искажение действительности. К мысли принудить нельзя. А вот мысль «принуждает» нас ко многому. Сами «критики» идеологии утверждают, что вот у них «нет идеологии вообще» – чего и нам желают. Это прямая ложь. **Идеология – знание, на которое мы опираемся с осознанным риском и пониманием его недостаточности, но без которого выживание социума, и правление, и даже жизнь отдельного человека невозможны в принципе.** Здравый смысл, используемый при демократическом голосовании, также не может заменить идеологию. Последняя, в отличие от здравого смысла, направлена как раз на постановку целей в ситуациях неопределённости и изменений. Те, кто говорит, что у них нет идеологии (якобы они свободны от неё), в действительности её *скрывают*.

Эту политическую реальность осознал и описал Никколо Макиавелли в известном трактате «Государь». Демократии, подчиняющие себе государство в качестве инструмента (это и описывает Макиавелли), исповедуют именно тайную идеологию. Государь-монарх, а тем более самодержец, *не может ничего скрыть от подданных*. В доме царя не должно быть тайны. Отсюда – неизбежность государственной морали. **В основе государственной идеологии и морали лежит пройденная правлением история, опыт преемственности власти и её воспроизводства.**

Коммунистическая политическая монополия попыталась сделать *публичной массовой идеологией* научное знание о социуме, но столкнулась с высочайшим темпом его старения, а потому свернула на путь замены его *светской верой*. Последнее привело коммунистическую сверх-власть к неожиданно быстрому историческому падению, отсроченному Второй мировой войной и последовавшим *противостоянием двух систем*. Возвращение к приоритету исторического знания в основаниях государственной идеологии неизбежно требует обновления и восстановления в правах самого исторического знания.

Декарт считал историю не заслуживающими доверия рассказами. Ведь исторические записи тенденциозны, искажены, неполны. Однако у нас всегда есть наличная данность исторической *целостности*. Это настоящее. Данное нам в настоящем *содержит всю историю в себе*. И записи суть только один из инструментов его исследования. Таким образом, **история имеет предмет – цели, мотивы и основания коллективного поведения и действия людей, системную связь между всеми действиями и всеми последствиями**. Простая причинно-следственная связь не прослеживается в историческом процессе. История, таким образом, это основная среди гуманитарно-социальных дисциплин, рамка, контекст и материал для них всех.

Попытка отменить историю, объявив её «конец» (*чтобы отменить идеологию*, на ней базирующуюся), часто предпринимается через отождествление истории с *мифом как полезной и неизбежной выдумкой*. Якобы да, миф, конечно, нужен. Каждому народу свой. Тут нет ничего, кроме попытки опять-таки заменить науку светской верой. Одним выстрелом пытаются убить двух зайцев – и миф, и историю. А ведь и миф, и историческое знание развиваются на пути к истине. *Миф – не выдумка, а устное предание, тогда как история – письменное*. Миф описывает повторяющееся, история – уникальное и единичное. **Народ, отказавшийся знать свою историю, быть преемственным по отношению к ней, обречён на уход с исторической сцены**. Важен и миф – он, в частности, обеспечивает появление *героев* и **повторение** ими подвигов во имя народа и государства. По большому счёту очень многое из того, что требуется, мы уже знаем. Нужно сделать из этого правильные выводы *в нашей ситуации* – это и будет русская идеология.

Русская история самостоятельна. Схема изложения истории, навязанная западной *знанием пропагандой*, состоит в том, что главная линия мировой истории разворачивалась в Западной Европе, отталкиваясь от римского и греческого начала. А все остальные народы якобы лишь догоняли европейцев, более или менее качественно, но с заведомым опозданием воспроизводя их шаги по уже заданному образцу.

Подобное представление не устроило уже англосаксов – как в островном, так и в заокеанском американском изводе. Ни те ни другие *европейцами* себя никогда не считали и не считают. У них *своё* начало истории. А у Индии? А у Китая? Авторы *цивилизационной концепции* (Тойнби, Квигли) постулировали самостоятельное развитие цивилизаций, среди которых (у Квигли их существенно меньше, чем у Тойнби) *однозначно выделена русская цивилизация*. У нас есть собственный основатель концепции цивилизационного развития – Н.В. Данилевский, и вообще-то он был *первым*. Раньше догадался.

Россия – континентальная империя, которая не грабит свою территорию – или другие территории по миру – и не организует расистской иерархии населения с самого своего основания (расистский Древний Рим пал, когда дал гражданство всем жителям). **Россия – военная, а не олигархическая империя (какой была отчасти Византия и какой являются США)**. Финансовые системы – как управленческие, но не властные, а потому не связанные с конкретным народом, именно в силу последнего обстоятельства исторически неустойчивы. Центр олигархии перемещался из Флоренции в Венецию, оттуда в Голландию, оттуда в Англию, а из неё – в США, где уже созрела фундаментальная финансовая проблема долга. Всё это время Россия оставалась Россией и последовательно развивалась и росла.

Только рассматривая историю России как самостоятельную, можно понять уникальную и выдающуюся роль российского государства как самого развитого государства в мире, в выживании человечества, *а значит, и иметь эффективную русскую идеологию*.

Русская идеология преемственно вырабатывалась, наследовалась, развивалась вместе с *русским народом* в течение тысячи лет его существования *без перерывов*. Благодаря ей – и тем *целям*, которые ставились на её основании, – уже более пяти веков существует *русское государство*, охватившее собой самую большую (и самую богатую) территорию мира и навсегда

избавившее русский народ от внешнего завоевания. Русское государство стало семьёй вошедших под его защиту народов. Оно всегда строилось на прямой связи государей и народа.

Русская государственность во все *фазы* её существования (включая и советскую) преемственно проходит сквозь подъёмы и кризисы благодаря русской идеологии. Русская государственность представляет собой нашу знаменитую на весь мир «матрёшку»: оболочки, включающие в себя другие оболочки, и так вплоть до ядра – крещения Руси и рождения единого русского народа из этого крещения.

Фундаментальный недостаток многих гуманитарно-социальных теорий о «государстве и праве», не позволяющий понять преемственность русской истории, состоит в том, что власть не отличается ими от государства.

Власть почти всегда рассматривается через призму государства, в лучшем случае государство считается политической формой власти, разделением властей, аппаратом власти и т. д. Между тем *власть, являясь первичным и основным социальным отношением*, конституирующим любой социум, часто *существует вне* или вообще *без* государства – как в прошлом, так и сегодня. А значит, взаимодействует с государством, вступая с ним в сложные, гармоничные или конфликтные отношения. Причём речь идёт не только о семейной, педагогической, врачебной власти, которые всегда *локальны*, но прежде всего о власти политической, охватывающей социум *в целом*.

Власть без государства может существовать – как без процедур *подтверждения* её признания (как тирания), так и с таковыми процедурами – как *исходная демократия* (раздел власти), включая случаи *назначенной ею диктатуры*. В любом случае она *признаётся*, поскольку по своей сути является *отношением добровольного подчинения, принципиально альтернативного насилию*. Насилие может удерживать под контролем лишь небольшие группы людей, которые при этом становятся неэффективными, а само насилие требует силового превосходства. Власть, в отличие от насилия, потенциально способна быть *властью одного человека над миллионами людей*.

Подвластные *признают* власть. Никакие подвластные никакую власть не порождают, не учреждают и не создают, иначе они бы не были подвластными. *Власть создаёт себя сама*, сама себя утверждает. Монархическая власть опирается на *длительное* признание (формально связанное со способом престолонаследия), поэтому она ответственна, а также суверенна по своему происхождению. Монарха нельзя подкупить, это просто бессмысленно. Демократическая власть открыта всем возможным внешним влияниям, многолика, продажна и, самое главное, опирается на краткосрочное признание, а потому максимально безответственна. Миф о частой сменяемости выборных лиц как о самодостаточном благе держится на иллюзии, что сами *избиратели* есть власть (источник власти). А избранный лишь выполняет *их* волю. *На деле* голосующие *отказываются от собственной претензии на власть в пользу избираемого*. Даже если не осознают этого. Всё это говорит об исторической и духовной *тайне* появления конкретной власти, о её *уязвимости*. Рождение власти, признание концентрирует в себе особый *момент*, нулевую длительность исторического времени, качественный скачок в структуре социума.

Хрупкость, неустойчивость власти самой по себе – а мы столкнулись последний раз с этим явлением при самоликвидации коммунистической *надгосударственной* политической монополии – главная проблема выживания социумов в истории. Решается она как раз созданием государств – систем воспроизводства, контроля и нормировки власти, трансляции её специфической и понятной далеко не каждому культуры.

Именно различение власти и государства, анализ их взаимодействия, конфликтов и синергии позволяет понять исторические особенности развития и уникальность русской цивилизации, созданного ею социокультурного мира, преемственность и развитие её идеологии.

Яркой иллюстрацией этих особенностей всегда были отношения русских государя и государства, в рамках которых государь как особая инстанция власти создавал (и программировал) государство, служил ему, опирался на него, жертвовал собой ради него, сам был восстановлен в своей роли государством, соединял собой государство и надгосударственную коммунистическую сверх-власть, восстанавливал суверенитет государства и формировал недостающие властные функции народного государства.

Крещением Руси волей русского государя из многочисленных этнических групп был создан *русский народ* – крестьяне. Вместе с ним родилась и *русская власть*. Она никогда не происходила из внешнего завоевания народа, а росла из нового принципа его единства. *Русское государство* было впервые создано лишь *спустя пять веков* (после преодоления братской междоусобицы князей и монгольского ига) и *сразу как империя*, соразмерная русскому народу и предназначенная вместить и защищать его. Боярской вотчине русским государством был положен конец. Самостийное боярство сменилось служилым дворянством. Оборонительные рубежи последовательно раздвигались в стратегических направлениях. Народное ополчение, руководимое Русской православной церковью, изгнало польскую агентуру (внешнее управление) и восстановило русское правление путём выборов царя благодаря уже существовавшему и способному воспроизводиться, то есть *долгому*, государству. Была пережита проблема теократии (борьбы государства и церкви за власть), приведшая к религиозному расколу народа и отказу (явному или скрытому) большей его части от официальной церкви.

В качестве светского русское государство было окончательно оформлено и модернизировано Петром I, закрепившим за ним *общепризнанный международный статус* империи. Государственная элита начиная с Петра серьёзно опиралась на конфессионально универсальное масонское мировоззрение, заполнявшее идеологический вакуум после утраты русскими теократическими концепциями идеологического значения. Модернизация правящего класса дворян, приспособление его к управленческим требованиям государства были продолжены последующими правителями России. Однако дворянство, отчуждённое от народа, дорого обошлось России. Представления государей о дворянстве как опоре самодержавия оказались *утопией власти*. Крестьянский вопрос, заключающийся в лояльности народа (крестьян) *только государям, но не государству*, привёл на фоне участия страны в Первой мировой войне к *крестьянской революции 1917 года*.

Русское государство находится сейчас в четвёртой исторической фазе своего развития. Каждую из них запустил конкретный русский государь – и заложенная каждым из них *программа* разворачивалась далеко за пределы их *личного правления*, проходя периоды основания, подъёма и кризиса. **Не смена государей или династий определяла коренные повороты российской истории, а исчерпание и обновление этих программ.** Однако смена государственной модели каждый раз сопровождалась накопительным эффектом, происходил отказ от устаревших элементов, разрешались проблемные вопросы, а **достижения предыдущих фаз не утрачивались, но включались в историческую компетенцию власти и государства.** Что и обеспечило неуклонный рост территории России, её населения. Таким образом, русское государство представляет собой своего рода «матрёшку», в которой каждая последующая государственная оболочка охватывает предыдущую – как бы не «вопреки», а «благодаря» реформам и революциям.

Народным русское государство сделала советская власть под руководством коммунистической партии, вожди которой воплотили в жизнь *народную идеологию* о народном царе. Создание народного государства стало *программой модернизации и самого народа*.

Именно *развитие народа* определило исход Великой Отечественной войны и привело к победе над нацистской Германией. Программа строительства народного государства – *народовластия* – была *действительной государственной идеологией советской фазы русской государственности*, в то время как представления о коммунизме на деле оказались лишь новой

утопией власти (утопия, в отличие от идеологии, непреемственна, поэтому она есть сознание революции). Фактическое построение народного государства привело к *самоликвидации* политической монополии (сверх-власти) коммунистической партии (вместе с самой партией) *за дальнейшей ненужностью*. Отход национальной окраины от русского ядра империи, принятие окраинами ориентации на создание национальных государств (вместо русского имперского единства) показали глубоко *русский* характер первого народного государства. Без защитной оболочки коммунистической диктатуры народное государство советской фазы оказалось *в рамках внешнего управления* и нуждалось в *суверенизации*, в освоении *всех властных функций как во внутренней, так и во внешней политике*. Власть должна была быть возвращена государству.

Основная деятельность Владимира Путина как государя как раз и заключалась в суверенизации построенного советской властью народного государства при сохранении его главного качества – массового участия народа в государственной работе, то есть народовластия. Государственные институты России должны быть настроены именно как механизмы народовластия (народный кадровый состав, нацеленность на народные интересы, солидарность служащих, работающих по найму и самозанятых). Они не должны стать механизмами своекорыстного влияния элитных группировок, которые не признают самого существования народа, его солидарной массы, а исходят из утопии общества – конфликта многочисленных групп населения с разнонаправленными и противоречивыми интересами. Именно от успеха русской социальной самоорганизации в воспроизводстве и развитии народовластия зависит дальнейший стратегический успех русского государства.

Русское государство – *долгое* государство. И не только потому, что существует уже более 500 лет. Вопреки распространённому заблуждению, что его преемственность якобы полностью прерывалась несколько раз и «всё начиналось заново», русское государство последовательно преодолевало кризисы, каждый раз побеждая своих внутренних и внешних противников. Суверенитет русского народного государства, качество народовластия – перспектива его развития в текущем столетии.

Уровень государственности, которым мы обладаем сегодня: народная империя и выборная конституционная народная автократия *без надстроенной над государством политической монополии партии* (в отличие от Китая, КНДР, Кубы). Современная Россия строится на рефлексии опыта советского коммунистического народовластия и является продолжением *всей* истории России. Это иное направление развития государственности, нежели предлагаемая нам в обмен на наш суверенитет *глобальная управляемая демократия* с центром власти в США и закулисной финансовой механикой, вошедшая в этап системного кризиса и не способная стабилизировать современные социально-политические системы.

Демократия изначально (а часто по интенции и в современную эпоху) – власть не государства, а *над* ним либо *вовсе без* него. **Демократия как система власти – это альтернатива государству.** Греческое название, переводимое как «власть народа», не должно вводить в заблуждение. В действительности речь идёт *о группе власти*, способной склонять голосование к нужному итогу. Власть не только в античном полисе (где государства не было вообще), не только в олигархических республиках средневековой Италии, но и сегодня широко представлена вне государства. Страны Европы, как Западной, так и Восточной, принимали над собой власть США (даже не собственной элиты) добровольно – так это и есть старая добрая власть, а не таинственная «мягкая сила».

Управляемая демократия является способом и формой реального вывода власти из конституции государства. Используется иллюзия, что выборы *рождают* власть или *воспроизводят* её. Это не так. Выборы сами по себе не решают вопроса о том, откуда взялись претендующие на власть, кто они, что они могут и что будут реально делать. Горе народу, который поверил в то, что *это он за один день создаёт власть* на выборах и что ими можно и ограничиться. Хорошо

ещё, если власть при этом и вправду есть, обладает компетенцией правления и укоренена в истории. А если нет? Тогда наступает анархия или внешнее управление (могут сочетаться).

Пытаясь «продать» нам веру в демократию, то есть в самодостаточность выборов (а если не удаётся «продать», то навязать силой), агенты внешнего управления имеют целью прежде всего ликвидировать не только наше государство, но и *нашу* власть, заставив выбирать среди тех, кто будет беспрекословно слушаться указаний внешнего управляющего. *Не должно быть ничего, кроме выборов.* Мы проверили на себе эту концепцию в 90-е – теперь знаем последствия её применения. **Выборы – только один из инструментов, а не предельная форма существования власти и государства.** Именно так употребляют их и все европейские демократии, а также США, где главные выборы – не прямые.

Навязывая нам демократию как предел представлений об устройстве современного (и будущего) общества, нас пытаются отвлечь от анализа и продолжения реального исторического опыта развития нашего государства. А оно (да, да, именно оно) *всегда шло в авангарде социально-политического развития во всей европейской истории*. Европейцы, в отличие от нас, до сих пор вынуждены изживать и переваривать последствия *ксенократического* происхождения и устройства своих власти и государства, последствия *завоевания своих стран чужеземцами*, от которого не удалось освободиться. Мы от инородного завоевания освободились и более не допускали его с XV века. Поэтому **русское государство строилось на прямых отношениях народа и власти в обход элит (за исключением времени крепостного права и доморощенной элиты этого периода), которым отводилась только служилая роль.** А вот элиты как раз и стремились к демократии и конституции, чтобы занять место посредников в осуществлении власти, поставить в зависимость от себя и народ, и государя, избавиться от долга служения.

Европейские государства столкнулись с капиталом – новым видом элиты, основанной на экономическом использовании научного знания Нового времени и на эксплуатации труда, как непосредственной власти над пролетариатом – человеком, лишённым всего и *даже собственного тела* (над крестьянином такой власти не было, он во многом сам решал, что, как и когда будет делать). **Капитал осуществил мечту аристократической элиты – встал над государством и снял с себя ответственность за него.** Традиционную ксенократическую европейскую элиту сменила буржуазная.

Русские же первыми в истории перешли к народовластию – радикальной альтернативе цензовой и тем более управляемой демократии. Они упразднили элиту как таковую. Именно народовластие поставило капитал под контроль государства, модернизировало государство и преодолело затяжной европейский кризис государства Нового времени. Впервые были построены народное государство и народная автократия. Русская элита, отказавшаяся служить государству и противопоставившая себя народу, погибла. Многие из её состава пошли служить народному государству. **Попытка подменить вопросом о демократии вопрос о народовластии и его историческом значении, то есть о его значении как ресурса государственности, есть основное направление идеологической диверсии и агрессии против нас.** Для буржуазной (цензовой или управляемой) демократии народ – это «чудовище, которое требуется обуздать».

Русское суверенное народовластие представляет собой цивилизационную альтернативу управляемой демократии. Именно его гарантом является современный русский государь, президент России Владимир Путин. При самом широком применении выборных процедур государство стабилизируется не ими как таковыми, а фактическим *взаимным* доверием власти и народа. Мы не идеализируем институт представительства *сам по себе*, понимаем границы его эффективной применимости. Представительство на деле обеспечивает учёт только *частных* интересов. Защита же *общих* интересов должна быть гарантирована *всей* стратегией народного государства. Политика народного государства *в целом* должна обеспечить устойчивое (ино-

гда квалифицированное) **большинство, которое всегда есть эффект признания политического авторитета народа его народным государством**. Системная лояльность народа народному государству основана на признании последнего *инфраструктурой исторического существования народа, системой его жизнеобеспечения*.

Управляемая демократия Запада работает принципиально иначе. При формальной «всеобщности» она представляет собой механизм манипулирования со стороны элит *хаосом борющихся меньшинств*. Согласно западному демократическому идеалу, *большинства не должно быть вообще*, а если оно всё же складывается, меньшинства должны держать его в страхе и под прессом. Управляемая демократия **не признаёт народ как таковой**. Большинство должно быть *терроризировано меньшинствами* и нейтрализовано.

Сегодня возможности русской стратегической обороны впервые в истории вышли из догоняющего режима и позволяют перехватить мировую инициативу в предложении пространств коллективной безопасности. Что открывает перспективы долгосрочного хозяйственного развития наших систем народного жизнеобеспечения, управления освоением территории, роста вкладов в образование, здоровье и семейные ценности граждан России без разрушительного влияния спекулятивно-манипулятивных политических и финансовых воздействий противника.

Часть II. Философия истории русского государства

II.0. Древняя Русь. Предгосударство

II.0.1. Миф, легенда и история являются знаниями

Множество копий сломано в общественной дискуссии по поводу роли исторической науки или вообще истории, как любого описания и интерпретации событий прошлого, в *политической практике и формировании курса власти*.

Одни диспутанты утверждают, что история – это вовсе не наука, а лишь «прислужница» идеологии. При этом «идеология» в их устах – либо ругательное слово, либо, напротив, великая и едва ли не главная ценность. В любом случае с этой точки зрения историческое описание является *формой и способом подачи* идеологического содержания.

Другие доказывают, что историю «пишут победители», а побежденные из истории исчезают, вместе со своей ролью и точкой зрения. И, опять-таки, такое положение либо нормально (или даже единственно возможно), либо с ним нужно всячески бороться и обеспечить «права побеждённых», услышать голос их «правды».

Все эти точки зрения сходятся в одном – что якобы ни государство, ни общество (народ) не могут обойтись без *представления* о том, как же в прошлом было «на самом деле», и что надо дать убедительный ответ на вопрос об этом «самом деле», согласившись с якобы довлеющей «потребностью» в *бесспорности* картины прошлого.

Такой *вымысел* о прошлом (а ничем, кроме вымысла, подобная конструкция быть не может) называют «мифом», который-де лежит в основе ни более ни менее, а самого исторического существования нации, её государства и общественной жизни. Нетрудно видеть, что, принимая подобный взгляд на вещи, мы оказываемся в плену у «борьбы» разных вымыслов, ложь уравнивается в правах с правдой, точек зрения может быть сколько угодно (у каждого – своя), а вопрос об истине вообще не стоит. Исторической науке и знанию в этом контексте *никакого места нет вообще*.

Само предложение сконструировать «национальный миф» (называемый часто «национальной идеей») является подлинным механизмом вытеснения из интеллектуального оборота любых исторических представлений. Делается это под благовидными предложениями прекратить «переписывание истории» (хотя весь смысл подлинного исторического исследования именно в действительном *переписывании без кавычек*) и обрести будущее, которое на деле окажется лишь мистификацией прошлого.

Историческое знание (тем более историческая наука) принципиально спорно. Оно не обладает «истиной в последней инстанции» – как знание и наука вообще. Напротив, их ценность как раз в этом и состоит. А особое специальное значение исторического знания и наук в том, что именно история (как реальный процесс, ход вещей) «рассуживает» споры по поводу знания и придаёт тем или иным представлениям статус рабочих, принятых за основание для *рискованных человеческих действий*. Ведь *то, что было*, никуда не исчезает, не рассеивается, а всегда присутствует *в том, что есть*, хотя и в неявном, скрытом, свёрнутом виде.

Однако спорность исторического знания (как и любого знания) вовсе не в произволе *мнения*, которое действительно может быть любым, поскольку ничем не рискует и ни за что не отвечает (а когда рискует и отвечает, то называется уже по-другому – не мнением, а *глупостью*).

Позиции спора о знании должны быть *обоснованы*, и таких позиций всегда немного, как правило – всего *две* (что может быть идеализировано как «противоречие», «противоположность», «диалектика», «диалог»), хотя встречаются и более сложные интеллектуальные ситуации с тремя, четырьмя или даже большим числом позиций. Однако структура обоснованного спора не имеет ничего общего с перепалкой на телевизионном шоу или разногласицей в прессе и социальных сетях. Она гораздо ближе к судебным прениям.

«Множественность» любого знания связана с тем, что знание есть *знаковая конструкция, замещающая* предмет исследования. Вещи **сами по себе не могут быть предметами мысли**, ими могут быть только *специально, искусственно созданные «вещи мысли»*. Только к этим последним и применяются познавательные операции различного типа *вместо* предметов «реальности» (человеческой практической деятельности), а результаты этих операций *относятся* к реальным вещам.

Относимость (релевантность, сама возможность отнесения) знания есть вообще его первый критерий (что это именно *знание*, а не что-то иное). Отнесение может пониматься как интерпретация. Или как эксперимент – когда натуральные вещи подгоняются под знаковую конструкцию. В последнем случае, как правило, речь идёт об устранении различных «помех», «примесей» и вычленении из фона реальности исследуемого предмета в «чистом виде». Логической изоляции предмета в знании соответствует физическая изоляция реальной вещи в «вакууме» эксперимента.

Множество знаний удерживается в единстве отношения к чему-то «одному и тому же» **не** за счёт вещей реальности. **Обратное** наивное утверждение известно как *натурализм, он же материализм, он же вульгарный материализм*. Натурализм-материализм поэтому утверждает, что знания **якобы «отражают» реальность**. Это неверно. **Так нельзя построить никаких, даже самых элементарных знаний**. Множественность знаний удерживается иначе, с помощью идеальной «вещи мысли», идеи по Платону, зафиксированной специальной знаковой конструкцией *объекта* (идея становится объектом именно в силу знаковой привязки). Есть известная старая притча о слоне и нескольких слепых мудрецах, которые спорили о том, что есть слон. Один держался за хвост, другой за хобот, третий за ногу и т. д. Но вот вопрос: раз они слепые, *откуда они знали, что вообще исследуют один и тот же предмет?*

В чём специфика исторического знания по сравнению со знанием вообще? В (физическом) отсутствии предмета. Ведь прошлое прошло. Его *нет*. Есть лишь рассказы и записи о нём, то есть уже некоторое «изначальное» замещение. Отсюда и растут ноги утверждений, что история не может быть наукой. *Якобы не дан предмет*. Значит, и это мнение Декарта, история – только «враки», неправдоподобные рассказы. Всё это нельзя проверить так, как можно проверить физическую теорию в эксперименте. Ответ Декарту, критику исторического знания как такового, дал методолог истории Р. Коллингвуд. *Прошлое содержится в настоящем, является признаком и свойством последнего. История – перед нами. Всё, что мы видим и имеем – история. Подлинный предмет истории – настоящее. История – это мы сами. То, что определяет наши действия и поступки, цели и представления. Строя историческое знание, мы строим самих себя.*

Ценой ошибки будет наша судьба. Победа или поражение. Идеальный объект исторического исследования – исторический процесс (История с большой буквы) – связывает исторические знания (*реконструкцию событий*, то есть *факты*) с деятелем, по отношению к которому всё «прошедшее» есть не просто «предпосылка», оно и есть он сам, то есть цель, намерение и воля, отталкивающаяся от прошлого, каким оно узнано и познано.

Прошлое нельзя изменить, его нельзя «переписать», ведь оно уже было, и в этом качестве прошлое есть одна из ипостасей Бытия. Прошлое существует. Оно реально, хотя и не «дано» нам. Оно существует в наших знаниях о нём, как их объект и даже в нашей вере в то, каким оно было. Но оно не тождественно нашему представлению о нём.

Очень важно понимать, что, изменив историческое знание или навязав другое, ложное или *чужое* знание кому-либо, мы меняем самого человека, варианты его действий и поведения, человек становится другим. *«Переписывание» истории – это всегда изменение знания о прошлом, а это значит, что переписывается не то, что было когда-то, «переписывается» или даже «перезаписывается» человек здесь и сейчас в тот момент, когда он это изменённое знание принял.* Никакая машина времени не нужна, чтобы исправить настоящее из прошлого. Достаточно «всего лишь» изменить знание об истории. Но, подчеркнём ещё раз, дело исторического самоопределения не решается вымыслом, произволом и ложью.

Сегодня модно говорить об «образе будущего», и это кажется понятным: как себя помыслишь «в завтра» – тем и будешь. Но для того, чтобы помыслить себя «в завтра», нужно ясно понимать, кто ты «сегодня». Каково само это «сегодня»? Какой у тебя «образ прошлого», каковы твои знания о себе, «образ себя»? **Историческое знание – в отличие от вымысла, произвола и лжи – обладает действительной программирующей силой. Именно на основании знаний люди ставят цели, выбирают способ действия и совершают поступки.** Этот метод может привести и к поражению, ошибке. Но он предоставляет и шанс успеха, победы. Если же метод реализован многократно, несколькими поколениями, то стратегический успех или неудача могут быть оценены вполне достоверно и надёжно. Вымысел или ложь нельзя называть мифом ни в каком смысле, поскольку в этом случае мы лишимся понятия, позволяющего фиксировать само *начало истории*, то, что ей предшествует.

Мы уже отметили, что *миф*, в отличие от *истории*, в узком смысле слова, является формой традиции устного предания и фиксирует повторяющиеся значимые (выдающиеся) события, происходившие в *неопределённом* прошлом. То есть не просто в прошлом, не охваченном хронологией (знаковой фиксацией, *записью* последовательных событий), но в таком, где о самой *последовательности* событий судить нельзя. *Легенда* – однажды *записанный историком и идеологом миф* – по существу является *пред-историей*, после которой и с которой начинается запись событий, как уникальных и не повторяющихся (рассматриваемых как различные). Достоверность легенды в том, что миф записан без искажений, без литературного сочинительства со стороны летописца, таким, каким он передаётся изустно. *Содержание мифа не может и не должно «проверяться» писцом.* Содержание мифа не претендует на историческую точность описания конкретного события, однако этого и не требуется, поскольку содержание мифа релевантно – относимо к историческому процессу (объекту исторического знания) в целом именно в силу стереотипности обстоятельств и действий героев мифа. Миф описывает то, что повторялось, воспроизводилось, доисторический «круг времени». Записанный миф – легенда – входит в корпус исторического знания как описание границы, начала исторического процесса.

II.0.2. Русский миф, его легенда и начало русской истории

О Древней Руси, а в особенности о её «начале», мы имеем менее всего собственно исторических сведений, как, впрочем, о любом историческом «начале». Не случайно первым русским историком и идеологом в одном лице мы считаем Нестора-летописца, фигура которого сама по себе частично легендарна, поскольку невозможно точно установить, что в «Повести временных лет» принадлежит перу именно Нестора. Для нас Нестор – собирательная (то есть мифическая) фигура первого русского историка и первого идеолога русской государственности.

В летописи Нестора легендарная составляющая принимается на веру, поскольку проверить её содержание мы не можем. Но давайте зададим вопрос другого порядка: а что делает Нестор, излагая содержание мифа, создавая русскую легенду?

Ответ таков. Вообще-то Нестор описывает (исторический) процесс становления и развития русского государства. Он считает важным построить знание «о том, *откуда* есть пошла

Русская земля», поэтому для него, живущего в XI веке, оказываются важными события, происходившие на 200 лет ранее и до того. Ему нужна *отправная точка* исторического процесса. Ею Нестор создает легенду, помещая её в один ряд с другими, уже историческими, знаниями (записями), превращая её тем самым в элемент исторического знания о русской государственности.

Зачем это вдруг понадобилось Нестору? Мы можем сказать, что у молодого русского народа, созданного крещением Руси, возникла *наущная необходимость знать*, «кто мы, откуда и куда идём?». По всей видимости, Нестору было понятно, что без этого знания (то есть идеологии) строительство государства далее невозможно, как и понимание народом того, зачем ему это государство.

Легенды о возникновении Русского государства фиксируют принципы этого становящегося государства, его форму. Да, Нестор делает это, как говорится, задним числом, спустя 200 (и более) лет – тогда, когда стала ощущаться потребность в знании о своём прошлом. Мы не будем вдаваться во множественные научные споры, которые, конечно же, необходимы для реконструкции исторических событий. Желательно только, чтобы спорщики помнили, что они спорят именно об «*исторических фактах*», то есть о *реконструкции* событий, а не о самих *событиях*. То, что «было на самом деле», не может рассматриваться как реальная вещь (в этом качестве она не дана), а только как идея, объект, доступный исключительно через знание и работу с ним.

Процесс становления и развития русского государства *есть*. Необходимо самоопределиваться, то есть решить вопрос своего отношения к этому процессу. *Будешь ли ты, Нестор, и ты, читатель Нестора, способствовать этому историческому процессу или же противодействовать, разрушать его? Третьего тут не дано*. Мы исходим из того, что существование и развитие русского государства является *фундаментальным процессом* по отношению к существованию именно русской цивилизации и русского народа.

Государство для русских есть условие и способ существования в Истории в существенно большей степени, чем у иных наций и народов, многие из которых не имели государства вовсе, имеют сильно ослабленное «техническое» государство или же значительную часть своей истории подчинялись чужому государству. Мы будем, как и Нестор-летописец, рассматривать процесс развития русского государства как то, что отличает именно нас, русских, от иных культур и цивилизаций, определяет нашу *преемственность* (тем самым *снимая вопрос об идентичности*). Мы систематически будем обращаться к тому, при каких условиях и как именно воспроизводство и развитие русского государства оказалось возможным в различные моменты исторического времени.

Неважно, кем этнически был Рюрик – мифический герой. Нам нет нужды примыкать к норманнской или какой-либо другой теории происхождения государственности на Руси. Для целей настоящей работы это совершенно неважно. Прошли годы, века, тысяча лет – никаких норманнов нет, а Русское государство есть. Всюду в данном тексте прилагательное «русский» употребляется не в этническом, а в культурно-историческом, цивилизационном, политическом значении.

Отметим лишь, что «норманнская» теория неотъемлемо принадлежит западной идеологии, *воюющей* с русской. В ней сквозит привычный для Запада *расистский подход*, утверждающий культурно-генетическую ущербность славянства и вообще всего русского цивилизационного древа. Фактически интересно другое. **Завоевания и покорения Руси норманнами точно не было, а вот завоевание ими же Англии точно было** (и вообще британское общество представляет собой результат наложения *нескольких завоеваний*). Давайте поставим англосаксонской цивилизации «зеркало» и зададим вопрос: возможно ли было строительство Британской империи без норманнского завоевания? Способны ли были «местные островитяне»

сами построить мировую цивилизацию? Нам нет нужды отвечать на этот вопрос. Мы же не расисты. А вот англосаксам ответить было бы крайне желательно. Для их же идеологии.

Для нас важно не само *вокняжение* Рюрика и, повторимся, точно не его происхождение, а то, *для чего* оно было нужно и *как* происходило в рамках рождения русской государственности. «*Земля наша велика и обильна, только порядку в ней нет. Так приходи княжить и владеть нами*», – так изложил летописец причины и цели приглашения Рюрика (кем бы он ни был) народом Новгорода и Ладоги на княжение.

Первый принцип: летописец утверждает, что *власть нужна для установления порядка*. Не будет отношения «власть-подчинение» – не будет и порядка, а значит, мы проиграем и в военном смысле, и в конечном счёте в историческом. «*Владеть нами*» значит властвовать, то есть нормировать жизнь большой группы людей (отдавать приказы, что делать, чего не делать) и судить за нарушение нормировки.

Иными словами, *русский миф* (который совсем не нужно выдумывать – он *есть*) говорит о том, что **русские с самого начала своей истории понимали сущность власти куда глубже, чем греки и римляне. И именно поэтому остались свободными от политики, демократии** (наихудшего устройства власти, по мнению её главных античных теоретиков). От блужданий в дебрях политических теорий. А также на практике *основали самое развитое и большое государство средиземноморского (европейского) цивилизационного корня*, сделали его основой и стержнем своей национальной жизни, опорой культуры, мировоззрения и образа жизни.

Теоретическое понимание *сущности власти как добровольности подчинения* пришло «на ум» Западной Европе только по окончании Второй мировой войны благодаря теоретической интуиции нашего соотечественника А. Кожева. Это он научил французов читать и понимать Гегеля, а до того гегелевская философия отношения господина и раба, трактующая власть как насилие, была высшим достижением европейской мысли в отношении власти.

Летописец XI века уже хорошо понимает, что выжить и выиграть в исторической конкуренции, *воспроизводиться как историческая сущность* большая группа людей может только при наличии достаточной для этого *организованности*. Русь XI века уже борется за своё существование с Великой степью, чувствует дыхание Запада и знает о большой тысячелетней империи Рима и Византии.

Второй принцип, который фиксирует Нестор: древние русичи принимают власть некоего Рюрика над собой *добровольно. Это их свободный выбор*. Свободные люди учреждают над собой власть, чтобы быть сильнее, организованнее, дееспособнее и в конце концов для того, чтобы не быть покорёнными другими. Для того чтобы и дальше оставаться свободными, не превратиться в *рабов*. Русичи *доверили* Рюрику себя, а он принял за них ответственность. То есть *доверился им*. **Доверие и ответственность суть неотъемлемые свойства власти-подчинения.**

Эти два принципа суть то главное, что хотел нам сказать Нестор как первый идеолог русской государственности. Ещё он нам указывает, что учреждение нашей государственности произошло на севере Центральной русской равнины, в Новгороде и Ладоге. **Здесь место рождения Русского государства, и именно отсюда пошла наша земля.** Нестор сам при этом киевлянин, от него мы узнаём, что Олег, наследник Рюрика, завоевав Киев у Аскольда и Дира, назвал Киев «матерью городов русских», но пришёл-то он из Новгорода, *чтобы взять Киев*. **Метафорически, если Киев – это «мать» городов русских, то Новгород – их «отец», «взявший» Киев за себя.**

II.0.3. Создание русского народа

Второе важнейшее событие в нашей древней истории учреждения власти и государственности как формы её существования – это принятие восточного (византийского) христианства, что определило нашу культурную и цивилизационную преемственность со средиземноморской цивилизацией. Нет числа многочисленным спорам историков о том, как «на самом деле» это происходило. Можно с уверенностью сказать, что это не один момент, а множество разных моментов времени. Поэтому здесь также есть место мифу и легенде, которые переплетены с уже историческим описанием событий. Для решения нашей задачи это опять-таки несущественно.

Легенда гласит, что первым крестил Русь св. апостол Андрей. Обращение к этой легенде будет фигурировать в спорах *начинающих* русских богословов с *искушёнными* греческими. Эти споры предшествовали расколу русского православия. Русская сторона обосновывала самостоятельное значение русских источников православного вероучения, их приоритет по отношению к греческим источникам (аргументация оказалась сильной, но позиция в целом не устояла, патриарх Никон принял противоположную сторону). Другая легенда связывает крещение Руси с посмертным чудом, совершённым св. Стефаном, епископом Сурожским, явившимся русскому князю во сне. Это уже VIII век. К моменту княжения Святослава, отца св. равноапостольного князя Владимира, Киев был уже в значительной мере православным, в том числе усилиями св. княгини Ольги, матери Святослава и бабушки Владимира.

А далее: *«Настал критический момент, когда языческие силы антихристианской реакции решили смести со своего пути грозный призрак принятия греческой веры и морального подчинения грекам»*².

Однако победе язычества над греческой верой не суждено было сбыться. Владимир из язычника неожиданно для языческой партии Святослава обратился в христианство – к великой досаде и недоумению последней. Сам акт обращения – легенда, он повторяет множество бывших и до него обращений язычников в христианство. Но что это было именно обращение, а не политическое решение («выбор») относительно «религии народа», подтверждается дальнейшим радикальным изменением образа жизни и действий Владимира.

«Большим препятствием к реалистическому постижению обращения кн. Владимира является та житийная легенда, которая вставлена в состав летописного киевского свода под 988 г., на месте других более ценных для нас кратких сведений, истребленных официальной цензурой греческой церковной власти первого греческого киевского митрополита Феопемта, поставленного во главе русской церкви в 1057 г.,³ уже при князе Ярославле Владимировиче.

Данный этой вставной повестью материал об обстоятельствах религиозного переворота у князя Владимира представляется совершенно неудовлетворительным, ни логически, ни психологически. Владимир – неистовый фанатик, вдруг становится каким-то апатичным, почти индифферентным искателем вер. И даже не сам лично торопится исследовать их, а посылает в разные страны своих послов наподобие коммерческих агентов или политических разведчиков. Это – ненатуральная сказка для детей»⁴.

² Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2 т. – М., 1993. А. В. Карташёв, последний обер-прокурор Святейшего правительствующего синода, подготовивший его самоликвидацию и передачу полноты церковной власти Поместному собору Православной российской церкви в 1917–1918 годы. В эмиграции Карташёв посвятил жизнь исследованиям истории РПЦ. Непростые отношения РПЦ с русским государством, её роль в формировании русской государственной идеологии не могли не стать предметом его анализа.

³ Так у Карташёва, сейчас считается, что около 1034 г., а до 1037 г. его назначение оставалось «на бумаге».

⁴ Там же, т. 1, стр. 107.

Собственно именно этим *чудом обращения* Владимир и инициировал крещение Руси (а вовсе не силой и даже не властью), подчинив своей вере всю свою деятельность и жизнь правителя и склонив к ней народ.

Нельзя заставить верить. Можно заставить имитировать веру, но по-настоящему верить заставить нельзя. Подлинная вера свободна и добровольна, как и подлинная власть. Решительно нельзя быть кем-то и ни во что не верить. Вера есть у человека всегда. В пределе человек есть то, во что он верит, вера замыкает и дополняет до целого, до основы личности то, что человек знает. Сущность человека идеальна по своей природе, она есть совокупность его веры, знаний и построенных с их помощью представлений. Она не находится, вопреки К. Марксу, в «совокупности общественных отношений», в которые человек включён. Наоборот, общественные отношения являются предметом для человеческого мышления, понимания, рефлексии, а саму возможность последних и определяют вера и знания.

Всю дальнейшую историческую судьбу Святого Владимира определяет чудо обращения к Христу, превращение князя из разгульного язычника в смиренного христианина, основными чертами характера которого стали благочестивое поведение и *кротость* в решении всех дел.

«Преображение самого князя Владимира.

За 25 лет своего христианского правления Владимир нашёл в себе энергию не только выполнить план внешней христианизации Руси, но, что всего удивительнее, он сделал попытку реально, деятельно, можно сказать материально выполнить своё исключительное служение, как главы христианского народа, чтобы воплотить осветившее его душу евангельское откровение в собирательную социальную жизнь народа. Формы этой жизни, в отличие от жизни личной, наиболее инертны и неподатливы на евангельские призывы к любви и к самоотречению, как формы жизни космической, натуральной, близкой к жизни мертвой природы. Но Владимиру дана была душа героическая, богатырская. Из всех возглавителей древней и старой Руси эпическая память народа исключительно выделила только двух вождей: св. Владимира, которого наименовала “ласковым князем и Красным Солнышком”, любившим бедный люд и любимым им, и – грозного царя Ивана, справедливого судью, беспощадно казнившего обидчиков народа. Св. Владимир поразил народное воображение не тем только, что он, как и его предшественники, ублажал пирами своих дружинников и заслуженных сотрудников, но и заботился по крайней мере о праздничных трапезах всего бедного населения государства. Мы знаем из истории только один классический порыв христианской апостольской церкви решить вопрос социальной и материальной правды путём общения имуществ. Опыт показал, что этот порыв посилен лишь на краткое мгновение эсхатологических ожиданий, что “в долготу дней” в истории, по немощи космической и человеческой природы, он естественно переходит в фазу компромиссных достижений церковного общества, христианизирующегося изнутри, неизбежно погружённого в естественную, управляемую космическими и зоологическими законами социальную жизнь человечества, обобщаемую в формах государственности. Так вопрос обычно сводится на практике к идеалу, вечно недостижимому, – союзному согласованию церкви и государства, духа и плоти, неба и земли, совершенного и несовершенного, святого и если не грешного, то естественного с дефектами. Как широкая русская натура, св. Владимир не только в деле внешнего крещения всей страны, но и внутреннего радикального изменения и

обновления его социальной жизни, воспылал желанием повторить опыт первоапостольской церкви – употребить всю силу государственной власти, все средства государственной казны на то, чтобы крещёные люди почувствовали, как говорит книга Деяний, что у них “одно сердце и одна душа”, что у них “всё общее”. До Владимира ещё ни одному главе христианского народа не приходила в голову такая мечта»⁵.

Крещение Владимиром населения Древней Руси, которое по-прежнему в его время состояло из разных племен (кривичей, вятичей, древлян, полян и др.), собственно и *создало русский народ как целостность и определило его единство*. Именно созданный крещением Владимира единый народ Руси выстоит и сохранится в годы феодальной раздробленности и ордынского ига. Крещение Руси Святым Владимиром – это не только приход христианства во всём его культурно-историческом значении, но и **исторический акт создания русского народа как такового**.

Крестившись, взяв в жены византийскую принцессу, создав единый народ, Владимир *не признал ни над собой, ни над своим народом византийской власти*, которую Византия всячески стремилась получить в результате крещения Руси. Князь Владимир и народ Руси, став христианами, не согласились быть частью чужого государства, построенного другим народом. **Русский принцип самоопределения состоял в том, что из принятия веры не следует признания власти**. Русская власть будет сама решать самую главную задачу – защищать христианский народ и христианскую веру, не полагаясь на византийского басилевса, считавшего себя таким защитником *по определению*. **В основание русской государственности был, таким образом, положен исходный принцип, который позже разовьётся в русское самодержавие и суверенитет**.

Мы принимаем веру Христу, мы верим тому, что Он нам сказал, и тем самым становимся частью огромного цивилизационного пространства, большего, чем наша личная жизнь, жизнь общины, жизнь народа, чем Византия. Частью Вселенной. Наша вера есть, с одной стороны, предельная граница (рамка), в которой мы существуем, которая *шире мира в целом*, ведь она *включает и Бога*. И с другой стороны, она же есть *сущность нас самих*, тот самый «нравственный закон внутри нас», без которого не дотянуться до «звёздного неба над головой». Владимир принял веру для всех нас, тем самым определив наш цивилизационный путь.

В этом состоит основной долг власти и в земных, мирских вопросах – определять путь для всех. И если мы уже тысячу лет идём этой дорогой и до сих пор живы как народ, как культурно-историческая сущность, созданная святым Владимиром, значит, этот путь *правилен*. Мы занимаем на территории планеты самую большую и богатую часть суши. *Это наш удел* – и он был основан при нашем крещении.

II.0.4. Единство как основа будущего русского государства

Принятие мировой религии было важнейшим фактором становления и развития древнерусской государственности, определения нашей цивилизационной принадлежности и, прежде всего, создания самого русского народа, как широчайшего по генетическому спектру смешения и сплава «этнического материала». Однако власть не является достаточно устойчивой без обращения к праву. **Государство исторически невозможно без права, как и развитое право невозможно без государства**. Оба они составляют *форму существования* базового социального отношения «власти – подчинения», они регулируют и нормируют, воспроизводят это базовое социальное отношение, при этом сами являясь результатом его развития.

⁵ Там же, т. 1, стр. 124–125.

Русское право возникло в своей письменной форме в виде «Русской правды» Ярослава Мудрого, включавшей нормы уголовного, наследственного, торгового и процессуального права и кодифицировавшей русское обычное право с включением византийских элементов. Значительное количество норм кодекса определяло правовое положение (совокупность прав и обязанностей) различных социальных категорий и групп в государстве.

Важно, что преступления против личности и человеческого достоинства наказывались значительно строже, чем против имущества и собственности. Так, за воровство лошади при- суждали штраф 3 гривны, а за побитие и вырывание бороды 12 гривен, то есть в 4 раза больше. Вира (плата) за причинение смерти человеку была так велика, что или всю жизнь нужно её отбавлять, или за виновного расплачивалась не только семья, но весь его род. Однако уголовный характер вины при убийстве отличался от гражданского деликта только степенью, но не качеством наказания. От всего можно было откупиться. Если ты богат – убивай сколько хочешь. В этом отношении древний кодекс, растущий из обычая, весьма прагматичен – о таком современный неолиберализм может только мечтать.

Власть князя во многом оставалась по преимуществу военной властью. Даже её полицейские функции были весьма умеренными – непосредственно защищать подвластных друг от друга (а не от внешнего врага) княжеская власть не бралась. И всё-таки уже в самом начале нашей правовой традиции присутствует акцент, невероятно важный для нас и сегодня. *«Правда выше солнца, выше неба, выше Бога. Ибо, если и Бог начинался бы не с правды – он – не Бог, и небо – трясины, и солнце – медная посуда»*⁶.

Правда для нас, русских, это требование честного, признательного отношения к знаниям, без которого не может быть и справедливости. Правда беззащитна перед ложью. Но вне консенсуса правды не может быть и мысли. Могут быть только ухищрения, искусство которых может порождать целую культуру политики, соблазнительную и искушающую, но ведущую лишь к слабости и национальному поражению. **Не закон (lex), а правда – это название ведёт нас сразу к основанию права. Прав тот, кто честен.**

Нам, русским, надо высматривать правду широко открытыми глазами и по ней судить. Мы понимаем, что настоящая справедливость будет не в земном суде, а в высшем, перед Богом. Суд земной в лучшем случае – *способ устранения вопиющей несправедливости*. В земной жизни справедливость как всеобщий порядок недостижима, поэтому надо жить и судить по правде – и это условие *разумности* закона. Мораль и истина тождественны с русской точки зрения.

Именно в это время, после возникновения широкого объединения вокруг христианской веры, появления русского народа, формирования сильной централизованной власти и первого писаного правового кодекса, создаётся *«Повесть временных лет»* – *наш первый опыт знания и памяти о том, «кто мы, откуда и куда идём»*.

Древнерусское княжество было цивилизационно конкурентоспособным на протяжении почти трёхсот лет с момента своего легендарного учреждения. Население росло. Русь успешно торговала и успешно воевала. Решала проблему границы с Большой степью, где бродили и откуда нападали на нас то хазары, то печенеги, то половцы. Признавала величие Царьграда (Константинополя), но если надо – ходила и на него в походы. А Царьград откупался. Князья брали в жены европейских и византийских принцесс, строили храмы. Создавалась собственная литература, проложившая начало русской культуре.

После смерти Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого на Руси наступает так называемая «феодалная раздробленность». На поверхности видны её правовые причины (слабость наследственного права), экономические (затухание торговли на пути из варяг в греки), но всё это скорее механизмы, а не сам процесс деградации русского социума. Главная

⁶ Розанов В.В. Уединённое.

причина в другом. *В утрате основного принципа построения власти, которой подчиняются: а) добровольно; б) потому что власть знает, что делать всем.*

Распад централизованной власти начинался как борьба ближайших родственников (*братьев* прежде всего) за великокняжеский Киевский престол, а оформился в виде появления отдельных княжеств-государств, которым никто не указ, кроме местного князя. Как только единая Русь распалась на Владимиро-Суздальскую, Галицко-Волынскую, Новгородско-боярскую и т. д., пришли монголы и долгих 250 лет учили нас простому правилу: если не учреждать и не воспроизводить свою *собственную власть*, то придёт *чужое господство*. И будет принуждать к рабству.

Дело не в том, что, как утверждает Гегель, господин становится таковым, поскольку он не боится рисковать своей жизнью, а раб боится и сдаётся. Русские не боялись и в этом смысле *так и не стали рабами* в монгольском пленении. Монгольское *иго* было только лишением свободы и обложением данью. *Но лишённый свободы – ещё не раб*. Его несвобода ещё не стала внутренней, это лишь стены тюрьмы, колючая проволока концлагеря, но *не отказ от себя и своей сущности*. **Но русские воевали друг с другом. А это непозволительная роскошь при наличии внешнего врага, превосходящего тебя числом и военной силой.**

Нельзя сказать, что проблема разрушения власти и государственности не осознавалась современниками. «Слово о полку Игореве» – великий литературный памятник эпохи – проникнуто пониманием необходимости единства, сплочённости русских земель и подлинного патриотизма.

Но литературное увещание не помогло. Битва на реке Калке стала ярчайшим выражением неспособности раздробленной Руси противостоять единому высоко дисциплинированному монгольскому войску. Русские пришли на битву порознь, без единого командования, без плана битвы, с желанием каждого князя *отличиться именно своей дружиной, доказать своё лидерство и получить право на власть*. Поражение было страшным, а летопись указывает особо на монгольский пир, устроенный на телах ещё живых пленённых русских князей (они были положены под помост, на котором сидели пирующие). Мы 250 лет будем осознавать, что противостоять централизованному и хорошо организованному противнику можно только не уступая ему в этих качествах.

Но и этого урока Руси оказалось недостаточно. Через 15 лет, с 1237 по 1241 год, монгольский хан Батый завоюет всю Русь, двигаясь от княжества к княжеству, разбив и покорив *всех по одиночке*. Не знали монгольского нашествия только Новгород и русский север, хотя власть монголов вынуждены были признать. При этом пришлось новгородцам не от монголов, так от шведов и немцев отбиваться, поскольку те посчитали возможным попытаться установить своё господство в единственном не сожжённом монголами русском княжестве.

Киевская Русь была, без сомнения, историческим образованием с потенцией государственности, но, конечно, ещё не государством как таковым. Настоящее русское государство ещё только предстояло создать – и уже не в Киеве.

После завоевания Руси Батыем почти 100 лет понадобилось нам для того, чтобы осознать необходимость собственного суверенитета и его подлинные преимущества. Русские территории стали частью чужого большого государства – империи потомков Чингисхана, попали под юрисдикцию монгольского права – «Великой Ясы». Нам пришлось понять, что такое чужое господство, которое держится не только на силе, но и на чужом цивилизационном превосходстве. Чем монголы *действительно были лучше нас*? Их закон *карал смертью предательство в любом его проявлении*. Монголы мыслили огромным пространством, отождествляли себя с ним. Монголы (в тот период) были едины. *Неприятно* осознавать и признавать такое. *Некомфортно*, но необходимо. Мы должны были понять, отчего мы не смогли себя защитить, почему вся Русь стала частью другого, враждебного и неприемлемого целого?

Главную причину русский летописец видит в отсутствии единства между русскими. И прежде всего – в отсутствии единой власти, принимаемой всеми. **Власть великого князя Киевского самоликвидировалась**, растворилась во множестве малых удельных властей, простая сумма которых никогда не сможет создать социальное целое. **Власть не суммируется.**

Историческая традиция приписывает осознание поражения и понимание необходимости создания русского государства, более конкурентоспособного по сравнению не только с Киевской Русью, но и с Ордой, московскому князю Ивану Калите. Традиция, описывая борьбу русских княжеств за ордынский ярлык на право считаться великим князем, стоять над всеми русскими княжествами, подчиняясь Орде, указывает на принципиальную разницу в подходах к этой борьбе князя Московского и всех остальных (Тверского, Рязанского): Москве эта власть, пусть и утверждённая ханом, была нужна для строительства единого Русского государства, способного противостоять цивилизационным конкурентам, а Твери, например, только ради самого великого княжения, то есть для самой по себе власти, пусть она будет даже номинальной.

Мы не станем утверждать, что намерение освободиться от Орды было присуще только Московскому княжеству. Наверное, не только. Везде ведь жили те же русские люди, которым не нравилось монгольское господство. Но, глядя из другой эпохи, мы можем сказать, что именно московский «проект» оказался успешным, именно московские князья не обманывали ни свой народ, ни людей в других русских княжествах. Именно они, начиная с Ивана Калиты, хотели возглавить все русские земли, чтобы освободить их от Орды, что в конце концов и сделали. Именно *их* правда и правота доказаны историей. Доказано наличие и плана, и стремления его реализовать. Доказано культурно-исторической практикой, без вещественных доказательств и бумаги, на которой план написан.

Но ведь так и должно быть в принципе. Не только ради одоления Орды. **Цели власти и цели народа должны всегда лежать за пределами жизни текущих поколений, чтобы обеспечить именно день сегодняшний, хлеб насущный.** Чтобы жизнь имела смысл, каждое действие сегодня должно определяться не только тем, каким ты видишь завтра самого себя, но тем, какими ты видишь завтра своих детей и внуков, будущие поколения. Будет ли достигнута поставленная цель, которая вынесена даже за пределы твоей жизни, тебе не известно, а действовать нужно, и народ, принимающий твою власть, должен видеть, что ты действуешь в правильном направлении. Так должны были действовать поколения московских князей начиная с Ивана Калиты.

Огромную роль в реализации московского проекта суверенного Русского государства сыграло перемещение престола митрополита из Владимира в Москву. Ещё в 1299 году митрополит Киевский и всея Руси Максим оставил разорённый Киев, переехал в более спокойный Владимир и тем самым перенёс сюда центр русского православия. В 1305 году на кафедре его сменил Пётр. Новый митрополит часто и подолгу задерживался в Москве под заботливым приглядом Ивана Калиты, который уговаривал святителя поселиться в Московском Кремле, и тот согласился. Митрополит Пётр умер в 1326 году и был объявлен первым московским святым. Преемником Петра стал митрополит Феогност, который окончательно перенёс кафедру митрополитов в Москву.

Для всех русских людей именно Москва стала при Иване Калите центром русского православия, его церковной столицей, а не только единой «налоговой инспекцией» по сбору дани для Орды. То, что православная церковь выбрала именно Москву в качестве своей резиденции, определило в последующем очень и очень многое. В разорванной на части Руси при постоянной вражде удельных русских княжеств митрополит переезжает в Москву. Он совершает свой выбор и демонстрирует этот выбор всем православным.

Второе, после утверждения престола митрополита в Москве, важнейшее символическое действие, определившее в глазах современников Москву как центр собирания русских земель

и центр новой русской государственности, совершил внук Ивана Калиты через сорок лет после смерти деда.

Дмитрий Донской не только собрал и возглавил русские войска на Куликовом поле, но и смог одержать победу над ордынским войском. *Впервые* победа в большой битве осталась за русскими, а Орда потерпела поражение. Значит, то, что делает Москва, начиная с Ивана Калиты, может приводить нас к победам над противником, *которого нам ещё не удавалось побеждать. И никому ещё не удавалось.* Значит, то, что делает Москва, это верный путь. *Значит, у Москвы и её князей есть право на власть.*

Принятие власти Москвы, впервые победившей Орду, становится оправданным и целесообразным. **Знание, что делать всем, чтобы достичь цели, это фундаментальное знание для персоны (и группы), обладающей властью. Народ добровольно подчиняется им благодаря такому знанию. Это знание налагает неизгладимый отпечаток на персону знающего, преображает её.** Победа на Куликовом поле была решительным и определяющим доказательством того, что в Москве знают, как побеждать, и умеют это делать.

Показательно решение литовского князя Ягайлы, союзника ордынцев перед битвой. После получения известия о победе русских над ордынцами он решил уйти назад в Литву. Настолько сильным было впечатление от разгрома ранее непобедимого ордынского войска. Вся геополитика того времени на огромной территории от Сибири до Польши строилось на *знании о стратегическом военном преимуществе и непобедимости Орды*. Дмитрий Донской и его русские воины это знание поставили под сомнение и *опровергли*. Появилось *новое знание: русские могут побеждать непобедимую Орду*. И это знание заложило основы новой геополитики на огромном континентальном пространстве, которому суждено было стать русским.

Такое воздействие идеологическим знанием, которое меняет политические и военные стратегии, формирует самоопределение нашего народа и других государств и народов, мы в своей дальнейшей истории воспроизводили ещё несколько раз. До битвы под Полтавой Карл XII Шведский считался в цивилизованной Европе непобедимым полководцем, а его армия признавалась лучшей в мире. Пётр I и русские разгромили её, что во всей Европе полагалось в принципе невозможным. Такое же значение имела Бородинская битва в 1812 году. Русские не проиграли (как минимум) доселе непобедимому Наполеону, их армия смогла на равных противостоять тому, кому в Европе (а значит и в мире) не мог противостоять никто **до** русских. Такое же значение имела в 1941 году битва за Москву. Русские нанесли поражение немецкой армии, в непобедимости которой никто в мире до того не сомневался. Не только советский народ, но и люди во всём мире узнали после победы русских под Москвой, что *у мира* есть возможность победить фашизм. Куликово поле находится в ряду тех событий, которые позволяют нам *самим знать о себе и другим знать о нас*, что *русские – это те, кто всегда побеждает непобедимых*.

Куликово поле, перенесённое в наше время, – это возвращение Крыма и спасение Сирии. Полной победы над мировой гегемонией, считавшей, что она смогла навязать свою власть и нам, пока нет. Но и сегодня мы показали самим себе и всему миру, что по-прежнему способны побеждать, казалось бы, в невозможных и ранее немыслимых обстоятельствах. От победы Дмитрия Донского на Куликовом поле (1380) до полного свержения ордынской власти над Русью пройдут ещё долгие 100 лет. Дмитрий Донской много сделал для укрепления великокняжеской власти. Тверь и Суздаль навсегда отказались от соперничества с Москвой, было сломлено своеволие Рязани, побежден Великий Новгород. Москва стала бесспорным центром Русской земли. Но политическая система княжеских уделов как таковая осталась без существенных изменений.

Легендарное благословение, полученное Дмитрием Донским от св. Сергия Радонежского, легендарное участие в битве Пересвета и Осляби, монахов, ушедших на битву, имели огромное идеологическое значение, придали деянию Дмитрия Донского сакральный характер

и глубокий исторический смысл, дали опору вере. Ведь без веры нельзя, невозможно стремиться к тому, что лежит за пределами твоей персональной земной жизни. Св. Сергей Радонежский, благословив Дмитрия Донского, придал его борьбе общенародный, общерусский статус. **На Куликовом поле Дмитрий Донской и его воины, благодаря этому благословлению, олицетворяли собой весь русский народ, несмотря на сохранившуюся удельную систему княжеств.**

Легендарный Пересвет возвращается к русским войскам после схватки с Челубеем, умирающий, но непобеждённый, а противник его повержен. Пересвет умирает, не зная, каким будет исход битвы, какой будет жизнь русских после битвы и дальше, но отдать свою жизнь за это неизвестное можно только с верой в то и со знанием о том, что жизнь других людей после тебя является чем-то большим и более важным, чем твоя собственная жизнь. Русские и сегодня не принимают западной «сверхценности» человеческой жизни, хорошо зная из истории, что для Запада такой ценностью обладает лишь *их* западная жизнь. Чужая смерть их никогда не смущала. **Русский готов отдать жизнь за что-то, что будет, когда его самого уже не будет. Он делает это осознанно и добровольно. Может, это и есть высшая категория человеческой свободы, она же и главное содержание «загадочной русской души»?**

II.1. Долгое государство Ивана III Великого

II.1.1. Иван III Великий – государь всея Руси

II.1.1.1. Первое русское государство – империя

43 года и 7 месяцев правил Иван III Великий, с 1462-го по 1505 год. Много. И хорошо, что много. Так же много он успел и сделать, создав первое русское государство и увеличив в разы его территорию. Русское государство сразу было задумано и создано Иваном III как империя, вытеснившая империю монгольскую, хотя формальный статус императора у русского государя появляется только начиная с Петра I Великого. Все последующие русские государи и преемственные программы развития русской государственности, включая и современную нам четвёртую, путинскую, программу, продолжают линию Русской империи.

Характеризуя идеологию государственной программы, выдвинутую Иваном III, мы будем опираться в отношении периода его собственного правления на фундаментальные исследования выдающегося историка Ю.Г. Алексеева (1926–2017). Алексеев не только выполнил тщательную работу историка, но также выступил и в роли *идеолога* русской государственности, истолковав установленные факты в контексте её исторического развития. Ведь с точки зрения идеологии важны не только сами события, но и то, как мы их понимаем, осознаём и что они значат для нашего собственного самоопределения спустя сотни лет. Давность таких событий не только не ослабляет их воздействия на нас, а напротив – подчёркивает их статус действительных оснований всего строя нашей жизни.

Когда Иван III пришёл к власти в Москве, её окружал пояс из полутора десятка говорящих на одном языке, принадлежащих к одной вере, но самостийных княжеств. Когда государь ушёл – была уже только Россия.

Было пятнадцать стран – осталась одна. Это не краткое описание правления Михаила Горбачёва. После Горбачёва империя рассыпалась как пазл на полтора десятка кусков. При Иване III же она собралась в монолит из полутора десятков фрагментов. *Они не просто были соединены вместе (в истории такое случается часто), а как бы переплавлены и влиты в одну форму.*

Да, по названию это ещё не была Россия, хотя имя «Россия» уже используется в эпоху Ивана Великого. Но, как писал Карамзин в XIX столетии, «Россия нынешняя образована Иоанном». Простое перечисление сделанного этим великим князем и самодержцем московским убедительно подтверждает тезис русского идеолога.

Иван III вернул русским независимость. И фактически, и формально. Это свершилось после почти двух с половиной столетий подчинения ханам Орды, унижительных процедур и ритуалов, выплат даней и «выходов». Иван III утвердил: больше – никогда. И стало так.

Он раздвинул пределы русской земли настолько, что исследователи даже не могут прийти к единому мнению – насколько же именно? Существуют разные оценки этого расширения – от шестикратного до десятикратного. Как бы то ни было, расширения рекордного, беспрецедентного для истории державы.

Он построил нынешний Кремль. И тем самым сделал адрес «Москва, Кремль» в буквальном смысле знаковым для европейской дипломатической почты. Название «Рос(с)ия»⁷ впервые появляется в летописях и документах именно в это время. Окончательное закрепление в

⁷ Поначалу писали с одной буквой «с», что потом сохранилось в просторечном имени «Расея».

качестве самоназвания произошло уже при Иване Грозном в 1547 году непосредственно в его титуле «Царь российский».

Иван III дал нам герб. После Ивана III двуглавый орёл в разных геральдических вариантах остаётся символом России более пятисот лет – за исключением фазы советского государства.

Иван III первым принял титул «государя всея Руси». По сути это было не столько фиксацией реального факта, сколько проектом. Многие земли Киевской Руси в его правление не удалось ещё привести под русские скипетр и державу. Но программа для потомков была задана. Она действует и по сей день. Перефразируя уже цитированного Карамзина, можно сказать, что **нынешняя Россия не только образована, но и в определённом смысле предопределена Иваном III.**

Невероятно, сколько успел сделать этот человек, больше половины жизни которого прошли в убеждении, что в году 7000 от сотворения мира (он же 1492-й от Рождества Христова, тридцатый год правления государя) наступит конец света. Тем не менее Иван III не сбавлял темпа ни до того, ни после. Воевал. Покорял. Интриговал. Комбинировал. Создавал и перевооружал современную армию. Закладывал основы промышленности и горного дела. Формировал первую русскую «оборонку», ВПК своего века. Даже заложил первый русский «небоскрёб» – колокольню, названную его именем. В этом названии («Иван Великий») его имя осталось навечно. Потому что при жизни Ивана звали и Великим, и Грозным. Но в историографию он вошёл бесстрастно-статистическим «Третьим», что требует, на наш взгляд, исправления и возвращения титула «Великий» в литературно-историческое именование этого Государя.

Вспомним исторический контекст, хотя бы несколько имён и топонимов. В год рождения будущего Ивана III Иоганн (Иван) Гутенберг запускает первый печатный станок – и человечество делает первый шаг на пути к информационной эре. В год 7000 (1492) вместо «конца света» Колумб открывает Америку, расширив вдвое планету для человечества. Иван III был современником Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микеланджело. При нём Византия пала, а Испания родилась.

Последнее заслуживает более подробного комментария. Родилась Испанская империя в объединительной войне против арабского мусульманского завоевания (сравните с борьбой русских с монгольским нашествием). Именно объединение земель (королевств) Пиренейского полуострова и было основным актом испанского имперского строительства.

Последующий захват континентов за океаном принёс богатство и формальный рост территории, распространение католичества и испанского языка, но оказался только «брутто» ростом, не прибавив существенным образом ничего к «нетто» имперской идеологии. Подлинный имперский статус испанские земли приобрели только в Европе. А в Америках – только статус колоний. Освоить их Испанская империя не смогла. В будущем та же судьба ждала и Британскую империю, которая не смогла полностью освоить даже Ирландию, поскольку более-менее полноценное объединение связывает только Англию, Шотландию и Уэльс. Сегодня и это собственно имперское объединение под угрозой распада. *Заморские же колонии* Британией были потеряны (причём *дважды*), как и Испанией.

Объединение французских, немецких и итальянских земель также упёрлось в отсутствие достаточного для имперского развития географического пространства на континенте, *которое не может быть компенсировано заморскими владениями*. Немцы (Бисмарк и Гитлер) это поняли, как и то, что *государство, не способное развиться в империю, будет в конечном счёте обречено на поглощение другой имперской политической системой и обречено на утрату государственного суверенитета*. Но дело не только в ограниченности пространства. В Европе нет универсальной культуры, обладающей достаточной ёмкостью и гибкостью для равного представления имперских возможностей сотням разных народов. Предпринятая в последние десятилетия попытка построить общеевропейскую культуру (так называемые «европейские цен-

ности») столкнулась с очевидными препятствиями. С ригидностью национальных культур. С утопизмом и извращённым характером самих «ценностей». С сохранением всех прошлых исторических противоречий. А русской имперской культуре уже более пяти веков, и она распространилась на самую большую территорию в мире.

По итогам развития государств в мировой истории выжили в качестве государств только империи, и *все они континентальные*. Китай. Россия. Индия. САСШ. Все остальные страны зависимы и входят в ту или иную *зону имперского влияния*, сохраняя статус государств лишь условно, как *самоуправления частью внутренних дел*. Но некоторые из них до сих пор не могут изжить «имперскую память» – фантомы погибших или нереализованных имперских проектов, как, например, Польша.

II.1.1.2. Первый русский государь – строитель государства

Иван был сыном великого князя Московского Василия II Тёмного. «Тёмным» (то есть слепым) его отец стал в результате кровавых династических распрей и удельных разборок. Детство Ивана проходило то в палатах, то в темницах. В шестилетнем возрасте он провёл с отцом почти год в заточении в Угличе. Но уже в следующем году вместе с Василием Тёмным, возвратившим себе престол, Иван вернулся в Москву. Уже в двенадцать лет Иван номинально возглавляет полки, участвовавшие в войсковой операции против Дмитрия Шемяки – узурпатора, в своё время ослепившего его отца. Вернувшись из похода, двенадцатилетний княжич вступает в династический брак с десятилетней Марией Борисовной, дочерью тверского князя. Несколько лет Иван был соправителем, а по сути – глазами слепого отца. Он присутствовал на всех тайных переговорах, участвовал во всех важных событиях, с отрочества вникал в содержание государственных дел. Эта школа не прошла даром.

Будут ещё годы междоусобной борьбы между русскими князьями, но стремление к единству и суверенитету становится сутью существования Московского княжества и судьбой тех, кто принимал и разделял это стремление. В.О. Ключевский замечал, что *русский удельный князь был крамольником по своей природе*. Русская земля по-прежнему представляла собой пёструю мозаику княжеств и городов, связанных сложной системой договоров и феодальной традицией.

Иван Васильевич как первый русский государь (строитель государства), а не просто русский князь (персона власти) боролся не с крамолрой отдельных князей, как все его предшественники. Он очень последовательно, осторожно, продуманно боролся с *самой удельной системой – за централизацию власти и создание государства*. Собираение земель – это буквально соединение Новгорода, Твери, Рязани, Ярославля, русского севера с Москвой. Война и дипломатия – суть государственной деятельности Ивана Васильевича. Те, кто печалится о «гибели русской демократии», то есть Новгородской республики (на самом деле *олигархии*), должны помнить, что последняя была собой довольна, расширяться не хотела и собирать русские земли не планировала.

Тем самым первый русский государь оказался не «первым среди равных» – таким же феодалом, как другие, только сильнее и хитрее. Нет, он искал не просто подчинения и верности себе других князей, пусть даже и *всех*. **Его целью было другое – единая система власти и права, в которой все, включая и его самого, её создателя, будут служить русскому теперь уже государству.** Поэтому изначально речь не могла идти и не шла о каком-либо *договоре о распределении власти*.

Весной 1462 года Иван стал великим князем Московским. Завещание его отца было составлено в полном соответствии духу и букве удельной традиции: Иван получил 16 городов, его младшие братья – 12. Земли Московского государства были в очередной раз перекроены по уделам. Сама Москва осталась в совместном владении всех сыновей Василия II.

Всё шло как обычно. Однако ущерб (и хозяйственный, и, как сказали бы сегодня, моральный), нанесённый предшествовавшими десятилетиями убоиц московской земле и её населению, требовал каких-то решительных шагов для того, чтобы подобное не повторялось. Налицо были «усталость от хаоса» и «запрос на стабильность». Иван III был намерен действовать. Сейчас, наверное, сказали бы, что он предложил народу и элитам решение – сильная рука единого властителя в обмен на мир и благосостояние. Но никого о согласии со своей программой Иван не спрашивал. Он просто её осуществлял. Доверие к нему рождалось в ходе реализации программы. Так как доверие возникает из соответствия делаемого – ожидаемому, надежде. Высока степень соответствия – тогда есть доверие. Низка – и нет его. **Такой вот простой секрет власти, верно понятый Иваном III.**

Эпоха удельной раздробленности русских земель, в начале правления Ивана III казавшаяся данной раз и навсегда, всего за треть столетия его княжения опустилась в «закатную позицию». Собираение земель проходило в самых различных формах – военной, дипломатической, даже коммерческой, но неизменно быстро и решительно.

Таким образом, само возникновение феодализма в России – системы власти, *основанной на договоре и присяге (а значит и изменах) феодалов* – было пресечено Иваном III в зародыше. Зарублено на корню. **Феодальный строй в России так и не сложился, что и определило перспективу непрерывного развития русской империи.** Европе пришлось мучительно и долго изживать «пережитки феодализма». Именно им она обязана своим современным отсутствием единства.

Ростовское, Угличское, Рязанское, Белозёрское, Вологодское, Дмитровское, Ярославское княжества и земли вошли в состав Московского княжества, в его единое политическое и правовое пространство мирным путём (что совершенно нехарактерно для феодальной Европы).

Мирный характер процесса как раз означал, что объединение основывалось не на договорах (всегда заключаемых в ходе междоусобной войны), а на проекте и плане. Вместо привычной, регулярно воспроизводившейся процедуры смены прежнего удельного князя на следующего произошла ликвидация этого института как такового. Началась быстрая унификация законов и порядков, местные элиты влились в состав московского правящего класса. Эти территории довольно легко приняли новые правила игры.

По-иному шёл процесс потери властной персональности наиболее крупными и сильными княжествами и землями, имевшими вековые традиции обособленного существования. И не потому, что эти княжества не были Русью или имели повышенный силовой и, соответственно, переговорный потенциал, а прежде всего потому, что были *предметом интереса других стран*. Ивану Васильевичу пришлось иметь дело не с самими русскими княжествами, а с **иностранными государствами**, которые хотели получить власть над русским пространством. Всё как сегодня – на пространстве бывшего СССР у нас сложности не с самим этим пространством, а с претензиями на власть над ним со стороны наших цивилизационных конкурентов. Русский государь Иван Великий показал себя эффективным политиком не только во внутреннем, но и во внешнем контуре.

II.1.1.3. «Новгородская альтернатива» и победа государства над олигархией

Господин Великий Новгород, боярская республика торговой аристократии, с неизбежностью был *радикальной альтернативой* самой стратегии Ивана III в собирании «русского мира». Вот где бесчинствовал договор! Но не только это было неприемлемо для проекта русского государства, выдвинутого Иваном III. **Невозможно противостоять превосходящему внешнему противнику, если внутри всё время нужно договариваться, заниматься политикой, всё время укреплять шатающийся трон (что всегда было проклятием**

европейских королей). Но плюс к этому огромная территория, неисчерпаемые природные ресурсы, неисчислимы богатства Новгорода – это было именно то, в чём нуждался великий князь Московский для укрепления единого русского государства и для противостояния основным внешнеполитическим соперникам – Ливонскому ордену, Литве, Большой Орде. Ликвидация новгородской демократии была принципиальным и безальтернативным шагом в создании русской континентальной империи.

Боярская республика в принципе не могла поставить целей формирования большого единого русского государства. Интересы бояр были, прежде всего, частными или в крайнем случае групповыми. Сверхбогатый боярский «демократический» Новгород не смог противопоставить самодержавной Москве никакой альтернативной идеологии и цели, соразмерных вызову истории и устремлениям народа.

У новгородской элиты просто не было стратегической альтернативы московским целям создания единого государства и возрождения целостной Руси. Она не могла планировать имперское развитие. Единственная альтернатива – подчинение Литве, но для большинства новгородцев и половины новгородской элиты это было неприемлемо. Они осознавали себя русскими и православными. Население Новгорода в значительной степени разделяло устремление Москвы к единому большому государству, однако значительная часть новгородской элиты искала защиту своей власти как раз у врагов.

Такая ситуация хорошо нам знакома по современной истории постсоветского пространства, то же самое происходило и во время Смуты начала XVII столетия, в разрыве между династиями Рюриковичей и Романовых. **Наличие промосковской и прозападной партий вовсе не изобретение нашего времени.** Под лозунгом независимости отпавших земель всегда устанавливается предельно жёсткая вассальная зависимость от противников и цивилизационных конкурентов России. Элиты делают это в обмен на сохранение частичной власти над своим «уделом» (феодалная модель власти) и с обязательством наносить максимальный ущерб интересам нашей страны. **Сегодня значительная часть постсоветского пространства находится в ситуации одного типа с Новгородом XV века.**

В 1471 году антимосковская (она же пролитовская) партия, возглавляемая вдовой посадника Марфой Борецкой, пошла на заключение договора с королём польским и великим князем литовским Казимиром IV. Москва отреагировала немедленно – начался военный поход на Новгород, который возглавил сам великий князь. 14 июля московские полки разгромили новгородское ополчение на реке Шелонь. Эти военные операции и осада самого Новгорода привели к тому, что в городе взяла верх уже промосковская партия (вот так демократии обычно и воюют). Под её давлением новгородская элита пошла на заключение с Иваном III Коростынского мира, по которому помимо выплаты огромной контрибуции и территориальных уступок Новгород брал на себя обязательство не заключать с Литвой никаких договоров.

Интересны условия: Новгород сохраняет реальное самоуправление в обмен на отказ от сотрудничества с другим государством. Жаль, что такой нормы и таких требований по отношению к Украине и Беларуси не было записано в Беловежском соглашении в конце XX века. А тогда Новгород сохранил почти все атрибуты самостоятельности, за исключением судебной сферы: здесь часть полномочий перешла к великому князю.

Может быть, новгородское боярство и *думало*, что защищает *свою* исконную правду, однако, защищая её, обращалось к Литве, *к чужой вере, к чужой власти*. Если бы победила литовская партия, новгородцы довольно быстро перестали бы быть русскими и совсем быстро перестали бы быть православными.

Всего через несколько лет, в 1477 году, часть новгородского боярства попыталась превратить судебную власть Москвы в пустую формальность. В ответ Иван Великий потребовал упразднения институтов посадничества и веча. Новгород, находящийся в осаде объединённых сил Москвы, Твери и Пскова, капитулировал в январе 1478 года. Вече было отменено, власт-

ные функции переданы наместникам великого князя, вечевого колокол и архив перевезены в Москву. Были проведены расправы (то есть *суды*) над лидерами пролитовской партии, конфискованы огромные массивы земель, принадлежащих церкви и боярам. Иван сумел резко уменьшить влияние и возможности новгородского архиепископа, который для политической жизни республики всегда был важной фигурой.

Радикальной мерой было и массовое переселение элит. Тысячи представителей новгородской боярской знати и торговой верхушки по разным поводам и на разных условиях были переселены в «материковую часть» великого княжества Московского. В 1484 году начались первые переселения бояр в Москву. Они продолжились в 1486–1488 годах. Вместо конфискованных наследственных вотчин новгородцы получали на новых местах от великого князя поместья – уже только в пользование. При этом на их место были переселены подданные Ивана III, в отношении лояльности которых опасений не было. Им делались пожалования из фонда конфискованных земель, разумеется, тоже на поместной основе.

Так складывалась вместо удельной поместная система, где получение благ прямо связывалось с функцией служения. Служба государю и, что то же самое, стране и государству становится основным способом принадлежности к правящему сословию. Этот процесс шёл всё правление Ивана III, а его результаты были закреплены в праве – в Судебнике 1497 года.

Документ был посвящён прежде всего процессу, ведению устного состязательного суда, введён судебный протокол. Суд встал над спором сторон в качестве арбитра, обвинитель нёс бремя доказывания. Понятие преступления сместилось от *обиды* (причинения вреда частному лицу, хотя бы и князю) к *лихому делу* (нарушению правопорядка, государственного строя и воли государя). Введён **впервые** термин «*поместье*» как обозначающий владение землёй, *обусловленное государственной службой*. Подобного системного правового кодекса тогда не было ни в Англии, ни во Франции.

Операция великокняжеской власти против Новгорода имела несколько стратегических целей, которые были успешно достигнуты. С одной стороны, в Новгороде был скорректирован «национальный состав» элиты. Во-вторых, что было уже трендом более широкого масштаба, начался процесс «сплавления» воедино ранее обособленных элит различных княжеств и земель. В-третьих, произошла кардинальная ломка характера крупного землевладения: место боярских вотчин, ресурса для сохранения порядков новгородской «старины», всё решительнее занимали поместья, *жалованные на условиях службы великому князю, то есть Москве*.

II.1.1.4. Тверь, Север и Урал: внутренний рост империи

Драматичным (и в значительной мере схожим с судьбой Новгорода) был и процесс включения в московскую орбиту Тверского княжества.

В 1483 году князь Михаил Борисович, как за десятилетие перед этим верхушка Новгорода, попытался переориентироваться на Литву, заключив договор с Казимиром IV. Как и в случае с Новгородом, Иван III организовал военную экспедицию против «изменника» (в 1477 году войско самого Михаила Борисовича принимало участие в аналогичной кампании Москвы против Новгорода – Иван III эффективно использовал феодальные настроения и привычки междоусобной прошлой эпохи).

Михаил Тверской счёл разумным капитулировать и заключил осенью 1484 года вассальный договор, по которому признавал себя «младшим братом» Ивана III. Но, как и в случае с Новгородом, Тверской князь не хотел отдавать власть центру и продолжил интриги с вовлечением внешних игроков (опять Литвы). Получив очередные свидетельства тайных сношений Михаила Борисовича Тверского с Казимиром, в сентябре 1485 года Иван III взял Тверь в осаду.

Многие видные представители тверской элиты (как и новгородской в 1477 году) перешли из осажденного города «под руку» московского князя. Михаил Борисович бежал в Литву, Тверь сдалась. На этом с феодальными компромиссами было покончено. Горожане принесли клятву верности непосредственно князю Московскому. Великим князем Тверским был посажен Иван Молодой – сын и наследник Ивана III – уже как государственный служащий. Часть тверской элиты, как и новгородской примерно в это же время, была переведена в Москву. При сохранении некоторых элементов «суверенного декораума» (например, боярской думы) Тверское княжество стало фактически провинцией государства Московского.

Расширение территории единого русского имперского государства шло и в направлении малонаселённых, но очень богатых районов северо-востока, до этого находившихся в сфере влияния Новгорода.

В 1472 году была покорена Великая Пермь. В последние десятилетия XV столетия шло активное продвижение в Приуралье. В Зауралье московские войска и купцы достигли района Югры, на рубеже веков Москва взяла под контроль бассейн Печоры. В конце 80-х годов был проведён успешный поход на сохранявшую высокую степень автономии Вятку. Эта отдалённая и очень богатая «вечевая республика», традиционно ориентировавшаяся на Новгород, теперь тоже была включена в состав княжества Московского. Жители принесли присягу Ивану III. «Торговые люди» Вятки были приписаны к общему сословию, часть вятской элиты была переселена в Москву.

Процессы *собирания земель и объединения элит* проходили параллельно и были логически взаимосвязаны. Единое государство должно было быть таковым не только как *массив территории*. Тем более что в новую московскую элиту вливались и русские представители верхушки *ещё не присоединённых земель* (например, князья «Верховских княжеств» Великого княжества Литовского, активно перебежавшие на московскую службу). **Должна была качественно измениться психология аристократии: государственное/глобальное начало должно было взять верх над родовым/локальным.**

Бывшие удельно-владельческие суверены становились теперь лишь подданными великого князя. Необходимость принять новый порядок вещей им диктовали соображения личной безопасности и материального благополучия, но во многом также и желание быть причастными через службу к формированию нового государства, возрождению общей православной Руси, о которой элиты знали через летописи и свои родословные. **Идеология русской государственности, заложенная Нестором за несколько сотен лет до этих событий, оказалась очень важной и очень практичной в деле строительства нового русского государства.**

Эпоха раздробленности русских земель завершилась. Немногочисленные оставшиеся уделы были уже лишь только символической, культурной данью порядкам «старины».

II.1.1.5. Русский суверенитет

Вооружённые конфликты и политические противостояния с иноземными соперниками составили, безусловно, куда более значительную долю испытаний из всех выпавших стране в период княжения Ивана III. Внешняя политика Московского княжества второй половины XV века оказалась драматичной по сюжету и ошеломительной по результату.

Особенностью международного положения Москвы в начале княжения Ивана было то, что государство окружали соседи, *которые считались (и, наверное, реально были) значительно мощнее его*. Причём Литва, Ливонский орден, Большая Орда, Казанское ханство были не только сильными – они *ещё и находились совсем рядом*. В ста километрах от Москвы на юг уже начинались татарские владения, на таком же расстоянии на запад – Великое княжество Литовское. Для поездки на дачные участки многих сегодняшних москвичей пятьсот лет назад им бы

понадобилась виза. Серпухов, Калуга, Кашира были пограничными городами, Литва лежала сразу за Можайском, Вязьма была уже в Литве.

Безусловно, наиболее исторически значимым, поистине судьбоносным достижением Ивана III на международной арене было возвращение русским землям независимости от Орды. «Стояние на Угре» 1480 года означало конец 237-летнего ордынского ига. Этому событию в исторической литературе уделено столько внимания, что нет смысла подробно останавливаться на фактической стороне вопроса. Вспомним пунктирно главные события.

Часто встречающееся определение «конец ига Золотой Орды» некорректно уже потому, что к этому моменту единой Золотой Орды не было. Она распалась минимум на шесть частей ещё в первой половине XV века. Ядро улуса Джучи оставалось в виде так называемой Большой Орды, которой в момент «стояния на Угре» правил хан Ахмат. Но её окружали уже независимые ханства – Крымское, Казанское, Сибирское, Астраханское, Ногайская орда.

В 1472 году Ахмат предпринял первый поход на Русь. Однако он не сумел перейти через Оку и отступил. Воодушевлённый успехом, Иван III *прекратил выплату дани Орде. Событие вызывающее и, с точки зрения ордынской власти (и экономики), совершенно недопустимое.* Значение этого события настолько велико, что в нашей памяти оно закреплено через художественные произведения как *легендарное топтание ханской басмы*. **Отказ от признания ордынской власти и провозглашение суверенитета состоялись именно в момент «топтания басмы», а дальше этот суверенитет нужно было отстаивать и доказывать.**

В 1480 году Ахмат, заручившись поддержкой Литвы в лице Казимира IV, вновь двинулся на Московское государство. Одновременно с этим Ливонский орден напал на Псков, а братья Ивана, Андрей Большой и Борис (обиженные на него ещё со времени уже упомянутого раздела Дмитровского княжества), изъявили готовность поддержать Литву.

Москву брали в кольцо. Сформировался внутренний заговор. Против непокорного Ивана встало «всё цивилизованное человечество» в надежде вновь «разорвать Русь на клочки», сделать её части своими территориями. А заговорщики хотели быть правителями этих частей от имени новых хозяев. Ничего не напоминает в дне сегодняшнем?

Посулами и переговорами Ивану удалось предотвратить предательство братьев. Между тем в начале осени Ахмату удалось перейти через Оку. «Линия фронта» (этот термин вполне применим к ситуации, потому что вопреки историческим стереотипам «стояние» было не просто пассивным выжиданием, а серией постоянных боестолкновений) стабилизировалась по реке Угре. Все попытки татарского войска переправиться через неё были отбиты русскими войсками под командованием сына великого князя – княжича Ивана Молодого. Литва не могла оказать реальной поддержки Ахмату, поскольку столкнулась с вторжением войск союзного Ивану III Крымского ханства (результат внешней политики Ивана). С наступлением холодов, будучи неподготовленными к зиме, татары оставили свои позиции и вернулись в Орду.

Помимо получения полной независимости Москва добилась в итоге «стояния на Угре» устранения Большой Орды как фактора восточноевропейской международной политики и как своего реального конкурента. На протяжении следующего десятилетия Иван III сам предпринял два похода на Большую Орду (в 1485 и 1491 годах).

Таким образом, свержение ордынской власти не было осуществлено в «один ход». Легендарный вызов Святослава Игоревича противнику «иду на вы», «разрывание» ордынской басмы Иваном III и изгнание им ордынских послов, Мюнхенская речь Владимира Путина в 2007 году – всё это действия одного порядка: акты возвращения (провозглашения) нашего суверенитета и непризнания чужой, внешней власти. Дальше этот суверенитет необходимо всё время доказывать и защищать.

Во время Мюнхенской речи Путина мы наблюдали на лицах правителей Запада такие же примерно выражения, как и на картине Н.С. Шустова «Иван III свергает татарское иго,

разорвав изображение хана и приказав умертвить послов» (1862). Хотя Путин, конечно же, никаких приказов в отношении участников конференции не отдавал.

В истории многие ситуации воспроизводятся в одинаковой логике, хотя и на разном материале. Начиная с военного нападения Саакашвили на Южную Осетию (2008), бесславно завершившегося через пять дней принуждением Грузии к миру, и по сей день длится наше новое «стояние на реке Угре» за наш суверенитет и свободу от чужой власти.

II.1.1.6. Между Востоком и Западом

Отношения Москвы с другими осколками Золотой Орды складывались по-разному. Особенностью отношений с Казанью были не столько успехи военных предприятий, сколько дипломатическая виртуозность Москвы. Ивану III несколько раз удавалось сажать на казанский престол «своих» ханов. После прихода к власти в 1484 году одного из них, молодого Мухаммеда-Эмина, Иван III добился прекращения выплаты дани Казанскому ханству. Для возвращения Мухаммеда-Эмина на престол, который тот потерял в результате переворота, русское войско взяло Казань в июле 1487 года. Иван III ввёл на этом основании в свою титулатуру имя «князь Болгарский».

Отношения Московского княжества с Ливонским орденом некорректно рассматривать в категориях «межгосударственных», поскольку орден формально не обладал государственным статусом. Именно поэтому победа русских войск в походе на Ливонию в 1481 году (в отплату за нападение ордена на Псков годом ранее) была зафиксирована в договоре, формально подписанном от имени Великого Новгорода.

Между тем именно в этом договоре **Иван III впервые был поименован как «князь всея Руси»**. Договор не закреплял за русскими территориальных приобретений, хотя в ходе боестолкновений их передовые отряды подходили под самую Ригу. Однако **значение короткой войны 1481 года было огромным**. Это была *первая наступательная операция Москвы на западном направлении и первая победа на нём*. Итоги войны позволили Москве возвести первую каменную крепость на Балтике – Ивангород (1492 год), которая стояла «лоб в лоб» напротив расположенной на другом берегу реки Нарвы.

В 1501–1502 годы проходила вторая война Ивана III против ордена как союзника Литвы. Весы качались попеременно в обе стороны: ливонцы осаждали Ивангород и Псков, русские доходили до Ревеля. Но решительных успехов не удалось добиться никому. В 1503 году было заключено перемирие на шесть лет.

Самым серьёзным соперником Москвы на западе было Великое княжество Литовское (ВКЛ). Его особенностью было то, что в ВКЛ входило огромное количество русских земель, оказавшихся в его составе после катастрофы Батыева нашествия.

Официальным языком ВКЛ был западнорусский, русская (русинская или рутенская) верхушка была частью литовской знати (даже по переписям XVI века, уже после отпадения от ВКЛ большей части русских княжеств, количество литовских и рутенских «всадников» было почти одинаковым).

Несмотря на главенство в Великом княжестве католической церкви, процент православных во всех слоях населения был очень большим. «Чересполосица» между Русью и Литвой проходила и по землям, и по человеческим судьбам. Бояре западных княжеств и земель Руси бежали в Литву при конфликтах с государевой властью. В то же время православные русские князья восточной части ВКЛ традиционно переходили на службу московскому князю и бежали на Русь. Фактически (да и формально) Литва была «второй» или «другой» Русью. Но, как гласит мотто классического киноевщика, «остаться должен был только один».

Иван III провёл с Литвой две успешные войны. Первую – в 1487–1494 годы. По её итогам Московское княжество получило ряд пограничных городов, важнейшим из которых была

Вязьма. Иван III также выдал за литовского князя Александра (сменившего в 1492 году на престоле своего отца Казимира IV) свою дочь Елену. В 1494-м впервые в договоре с Литвой великий князь Иван Васильевич был официально назван «*государь всея Руси*». Этот титул признал суверенный князь Литовский. Для Ивана Васильевича этот титул был частью политической доктрины единства русских земель и русского государства, символом исторической преемственности русской государственности.

Потом были вторая война и перемирие 1503 года – крупнейший успех внешней политики Русского государства. Литва потеряла ни много ни мало треть своей территории, правильнее сказать – вынуждена была вернуть. Русь получила выход к Днепру. Впервые западный соперник Руси был в буквальном смысле слова разгромлен.

Как писал Карл Маркс, «*изумлённая Европа, в начале царствования Ивана даже не подозревавшая о Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на её восточных границах*»⁸. Важнейшая фиксация, с которой мы полностью согласны: **империя. Этот масштаб государства сразу был положен в основание русской государственной программы.**

На южном стратегическом направлении Москва имела дело с ещё одним осколком Золотой Орды – Крымским ханством. Крымский хан Менгли-Гирей был союзником Ивана III (они заключили два договора – в 1472 и 1480 годах), но союзником ненадёжным. В основе московско-крымского союза лежало осознание наличия общих врагов – Большой Орды и Литвы. В каких-то случаях крымские войска оказывали Москве реальную помощь, а в каких-то надежда на их помощь оказывалась напрасной (как, например, в сражениях с Литвой за Смоленск в 1502 году). Южное направление надолго станет проблемным для Российского государства. Окончательно *невозможность приемлемого сосуществования* оформится совсем скоро – при попадании Крымского ханства в вассальную зависимость от Османской империи. Интересы собственно ханства будут подчинены имперским интересам Порты, а сами крымские татары станут лишь инструментом причинения вреда Русскому государству. Эту проблему придётся решать веками, и решена она будет только при Екатерине II Великой.

Тем не менее, столкнувшись с появлением у Крымского ханства заморского хозяина, Турции, Иван Васильевич начинает строить отношения уже с этим хозяином, понимая, что проблема не в крымских ханах, а в тех, кто ими руководит. Москва отправляет в Стамбул первого русского посла Михаила Андреевича Плещеева в 1496 году. Это действие было знаменательным во многих смыслах.

На приёме у султана ему предписывалось «поклон правити стоя, а на колени не садиться». В присутствии послов других держав представитель России не должен был садиться ниже ни одного из них. Такое поведение русского посла произвело должное впечатление на султана. Соглашения между странами были заключены, и султан отправил в Москву ответное посольство. Русский суверенитет был признан.

В 1483 и 1492 годах в Москву прибывали грузинские посольства. Налаживались связи с государствами Северной Европы: в 1493 году с Данией был заключён направленный против Ганзы и Швеции договор «о братстве, любви и союзе». Однако именно военно-дипломатическая деятельность Ивана III на стратегических направлениях (Литва, Ливония, Казань, Крым) была наиболее успешной и важной для будущего Русского государства. Более того, можно сказать, что Иван III «запрограммировал» эти направления для своих наследников минимум на три столетия вперед.

⁸ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века, https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/diplomat_history/index.php. Было подготовлено для публикации в т. XVII «Архива Маркса и Энгельса», не вышедшем в свет. Выделено нами. – Авт.

Для Ивана IV Грозного дед наметил «казанское» направление. Примечательно, что сам Иван III держал его под контролем, но после его смерти в отношениях с Казанью снова начались проблемы. Продолжил Иван Грозный и «работу» с Ливонским орденом в рамках намеченной стратегии.

Для Екатерины Великой стратегическим завещанием, сделанным за триста лет, оказалось «крымское» направление. Иван III проявил в отношениях с Крымским ханством и Османской империей чудеса дипломатии, направленной на недопущение возрождения единой Орды. И вновь, как и в случае с Казанью, его наследники не удержали наработки великого предка. После Ивана III Крым, ставший вассально зависимым от Стамбула, начинает регулярно совершать набеги на Русь.

Екатерина Великая не только окончательно решила проблему Крыма, но и восстановила домонгольские западные границы Русского государства. Вернула всех восточных славян в один державный контур. Раздел Литовской Руси с Польшей, произведённый императрицей, вполне мог проходить под девизом, взятым из письма Ивана III правителям Польши и Литвы: *«Ведомо гораздо самим королём, Владиславу и Александру, что они вотчици Полского королевства да Литовские земли от своих предков. А Русская земля от наших предков из старины наша отчина»*.

Наконец, для Петра Великого исторической миссией стала начатая именно Иваном III борьба за полноценный выход к Балтийскому морю. Каменный Ивангород, заложенный в 1492 году, стал по большому счёту пилотной версией Петербурга. Торговые русские корабли доходили до Дании, военный флот в 1495–1496 годы сражался против шведов и штурмовал Выборг. В 1496-м русские корабли совершили фантастический рейд вокруг Кольского полуострова, захватив в Белом море шведские суда. Рейд по Северной Финляндии привёл к тому, что проживавшие там племена принесли вассальную присягу Ивану III.

Московское княжество – *морская держава*?! До Ивана III это звучало бы как бессмыслица. Но начатая им глубокая модернизация многих сфер жизни страны делала реальным то, что было сказкой до него.

II.1.1.7. Государь всея Руси

Основаниями возводимой Иваном III государственности и власти были:

- 1) православие, при котором Русь оставалась *единственным* оплотом истинной веры, религия и церковь конституировали русский народ;
- 2) служба государю как основание для социальной стратификации;
- 3) формирование русского многонационального и многоконфессионального союза народов, утверждение его цивилизационной сущности как принципиально имперской, обеспечивающей развивающееся сосуществование культурно разного;
- 4) военно-оборонительная сущность Русского государства.

Иван III начинает титуловаться как великий князь Московский и государь всея Руси. Важны обе части этого имени – и «государь», и «всея Руси». **Иван Васильевич мыслит себя наследником Руси Древней, а государство – преемственным.**

Ю. Г. Алексеев так пишет об этом:

«Но что же такое “вся Русь”? Иван III был первым великим князем московским, который опирался не только на московскую традицию. В обращении к новгородским послам в ноябре 1470 г., в послании в Новгород во время кризиса осени-зимы 1470–1471 гг. он впервые апеллировал к именам Рюрика, Владимира Святого и Всеволода Большое Гнездо, определив их как последовательных носителей идеи единства Руси – единства и непрерывности политической традиции. Идея “великого княжения всея Руси” впервые

перешагнула границы, определённые договорами с Литвой, – границы, реально сложившиеся в результате польско-литовской экспансии на протяжении двух столетий.

Апелляция к Рюрику и Владимиру Святому возвращала русских в мир Киевской Руси, в эпоху, когда над русскими землями не было никакой иноплеменной власти. Упоминание Всеволода Большое Гнездо указывало на перемещение политической традиции из Киева во Владимир, в то самое великое княжение, центром которого стала Москва. Перед нами – определённая концепция русской истории, имеющая единственный прообраз в далёком прошлом – в “Слове о Законе и Благодати” митрополита Илариона.

Основным фактическим источником этой концепции является летопись. Но она только источник фактов, дающий материал для концепции, но отнюдь её не конструирующий. Концепция исторической преемственности и непрерывности княжеской власти на Руси вовсе не содержится в летописи в сколько-нибудь явном виде. Для того чтобы на основании летописных известий сформулировать эту концепцию, требуется не только хорошее знание источников, но и конструктивная, творческая работа мысли. И к 70-м гг. эта работа была проделана – в переговорах с новгородцами *великий князь впервые опирается на представление о целостности Русской земли и непрерывности её политической традиции. Отныне эта идея кладется в основу всей политической доктрины возрождающейся русской государственности*⁹.

Она отразилась и в “Послании на Угру” архиепископа Вассиана. Основная идея этого послания – историческое единство Руси, континуитет политической традиции, идущей от первых русских князей...

Для Ивана III эта доктрина была не только осмыслением русской истории, но и конкретным руководством к действию. Исполняя наказ своего государя, русский посол в Стамбуле не “садится на колени” перед падишахом, нарушая восточный этикет, но соблюдая достоинство своей страны. Соблюдая то же достоинство своего государя, русские послы в Италии не хотят стоять ниже посла короля Франции. Дипломатический этикет, важный во все времена, отразил политическую реальность – появление на международной арене суверенного Российского государства.

Принятие доктрины континуитета российской государственности с необходимостью ставило вопрос о судьбе древнерусских земель, захваченных Литвой и Польшей. Стоя на позиции новой доктрины, с потерей этих земель можно было мириться только временно – *de facto*, но не *de jure*. Другими словами, эти земли могли оставаться в руках Литвы и Польши только до тех пор, пока возродённое Русское государство не найдёт в себе достаточных сил для их возвращения.

Титул государя всея Руси был официально признан и королём Максимилианом, будущим императором. В августе 1491 г. русские послы Юрий Грек и Василий Кулешин привезли “от цесарева сына... грамоту докончальную с золотою печатью... и та грамота дана Дмитрею Володимирову в казну”... “Мы, Максимилиан, милостию Божиею краль Римский... и иных. Являем ведати сию нашу грамоту, что... по нашей сердечной любви, что мы к светлейшему Ивану, по Божией воле Началнику и Государю всея Руси, князю великому Володимерскому, и Новгородскому, и Псковскому, и Тферскому, и

⁹ Выделено нами. – Авт.

Югорскому, и Вятскому, и Пермскому, и Болгарскому, и иных, как к нашему любовному брату имеем, и мы меж себя дадим знати дружбе, и любви, и братству, и единачеству по сей грамоте...»

Таким образом, к середине 90-х гг. образование Российского государства стало фактом, получившим международный резонанс. Из «царства теней» Россия вышла на широкую арену европейской и мировой политики»¹⁰.

Собирание русских земель, как и титул государя всея Руси, **не могло быть формальным**. Дело не в том, что новгородцы, тверичи или рязанцы должны были признавать *титул* великого князя Московского, они должны были принять его *власть* и быть готовыми добровольно подчиняться. **Собирание земель стало возможным лишь в той мере, в какой оно было установлением подлинной власти.**

Для народа, живущего в удельных княжествах, не было никакой принципиальной разницы между москвичами, рязанцами и тверичами. Не было её и с новгородцами и, по большому счёту (если признавать другую веру возможной), даже с населением Казанского ханства.

Препятствием к объединению был не народ, а его удельные правители, которые видели в объединении только утрату власти. Князья торговались с Иваном III *за долю власти*, за возможность быть *посредником между народом и великим князем*. Иван Васильевич эту «торговлю» отверг.

Все последовавшие в дальнейшей нашей истории трагические события прямо связаны с продолжением попыток этой «торговли» элит с государем. Можно сформулировать и **стратегическую цель наших цивилизационных соперников на протяжении последних 500 лет истории – вернуть русских к состоянию феодальной раздробленности, к способу жизни до государства Ивана III**. Другие государства будут предпринимать попытки оформлять удельных князей на нашей территории как своих вассалов.

В 1489 году прибыл в Москву посланник императора Фридриха III и предложил Ивану Васильевичу королевскую корону и вассальную зависимость соответственно. Ответ русского государя был следующим: *«Мы... государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей. А поставление имеем от Бога, как наши прародители... А поставления, как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»*. Говоря современным языком, была продекларирована полная суверенность Русского государства, основанная на исторической преемственности, а предложения императора признаны неприемлемыми.

Иван III отверг западную корону, дав понять, что для него *этого слишком мало*. В ответном письме императору он сообщил о своей преемственности *«с передними римскими цари, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии»*.

Это была не случайная историософская конструкция. При желании под неё можно было подвести непоколебимый фундамент. Ещё в 1472 году Иван III женился вторым браком на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI. В 1479 году родился их сын Василий – будущий великий князь. Всего Софья родила Ивану пять наследников мужского пола. Особенностью ситуации было то, что, с одной стороны, после падения Византии в 1453 году самой сильной в мире православной (то есть истинно христианской) страной была Русь. С другой стороны, кроме детей Ивана и Софьи наследников последней династии «второго Рима» не было ни в одном из правящих домов Европы.

Фактически заявить свои права в качестве преемницы Византии теперь могла только Москва. Больше никто в Европе не имел такой санкции на «римское» наследие. Этот факт стал одним из оснований для разработки в дальнейшей геополитической и идеологической концепции «Москва – Третий Рим», которая также уходит корнями в княжение Ивана

¹⁰ Алексеев Ю.Г. Государство и право в эпоху формирования Российского государства (XIV–XV вв.).

III, хотя и считается, что она была создана старцем Филофеем в 1523 или 1524 году, уже после смерти Ивана Васильевича.

Конечно, концепция «Москва – Третий Рим» была первым, но при этом очень масштабным и глубоким идеологическим оформлением *результатов* правления Ивана III, *первым осознанием нового качества построенного единого Русского государства*. Иван Васильевич лично никак не проявил своего отношения к разрабатываемой при нём концепции, но после его смерти она надолго стала *идеологическим стержнем* Российского государства и могла выполнять эту важнейшую функцию именно благодаря деятельности и реальным достижениям его создателя. *Идеология следовала из того, что делал государь, и указывала, что делать его наследникам*.

Дело не только в миссии хранения православия, которую принимала на себя Россия как единственное, мощное и конкурентоспособное православное государство. Дело ещё и в имперском принципе, при котором империя понимается как способ взаимно развивающего сосуществования народов, реализованный в Византии. И, как мы думаем, главное – тысячелетний формат существования «двух первых Римов». Государство Ивана III принимало исторический вызов – создавалось как минимум на тысячу лет. Ведь Рим – вечный город вечной империи. И Москва – Третий Рим не только как последний оплот православия, но прежде всего как *долгое государство*.

II.1.1.8. Самодержавие как уникальная связь государя и государства

Большинство историков считают, что именно в период Ивана Васильевича сформировалось русское самодержавие. Оно не тождественно само по себе русской государственности, но одно у нас исторически невозможно без другого. Ключевое понятие для нашей истории и нашей страны. Именно Иван III вводит его в качестве действующего и определяющего. Вокруг этого понятия сломано много копий, его считают негативным как марксисты, так и либералы. Появление этого понятия связывают со второй супругой Ивана III византийской принцессой Софьей Палеолог и переносом смыслов с греческого: *αυτοκρατεία* – **автократия**, от *αὐτός* (*сам*) + *κρατέω* (*властвовать*) – **самовластие**. И, соответственно, **самодержец** – *αυτοκράτορ* (букв. «сам властвует», «сам держит власть»).

Как минимум два значения стояли за этим титулом:

- 1) суверенитет и международная независимость, ставшая для Руси важнейшей ценностью после выхода из-под ордынской власти;
- 2) единодержавие, где власть является неделимой сущностью, которая принципиально не может расщепляться.

Вся полнота власти принадлежит одному только государю, только он наделяет ей других и только для исполнения службы и выполнения приказов. Но при этом государь сам служит государству и народу. Поэтому отношения между государем и народом не требуют никаких посредников, «несущих на себе часть власти». Государство как бы рождается из государя и государем. Власть полагается принципиально неделимой и заключённой в государе, который и полагает ей границы и основания. Но сам государь есть важнейшая часть государства. Власть помещается в государство через государя.

Не рассматривались Иваном Васильевичем никакие соправители, даже если это были наследники. Иван III имел все основания носить принятый им титул «самодержец всея Руси».

В этом можно усмотреть троякий смысл.

С одной стороны, термин «самодержец» предъявлял претензию Московского князя на великую историко-религиозную преемственность. После падения Византийской империи Русь

оставалась единственным в мире православным государством (кроме маленькой Грузии), и это нашло отражение в титуле.

Далее титул задавал «пространственную амбицию» Москвы на будущее, программируя продолжение её борьбы за «монополию на русскую идентичность» с немногочисленными осколками удельной эпохи и с Великим княжеством Литовским, в чьём составе оставалось ещё много западнорусских земель (да и в самом официальном названии ВКЛ присутствовало добавление «...и Русское»).

И, наконец, главное: такой титул мог носить только глава централизованного государства с унифицированными порядками, с единым политическим, управленческим, правовым и идеологическим пространством.

Однако *самодержавие* не тождественно *абсолютизму*, с которым его часто и неверно отождествляют. Оно нисколько не тождественно и тирании, которую весьма произвольно связывали с самодержавием и русские либералы, и позже почти вся советская идеологическая традиция. Людовик XIV, утверждавший: «Государство – это я», действительно декларировал главный принцип абсолютизма, когда *в одной персоне сливаются и власть, и государство, становятся тождественны и неразличимы*. Французский монарх *присваивал* государство себе, поглощал его. Русский государь *отдаёт себя* государству, включается в него. Государство есть *форма реализации и существования власти, её воспроизводства*. Людовику XIV никогда бы не пришло в голову, что *он должен служить*. И вообще *что-либо делать*. За него и его отца *работали* кардиналы римской католической церкви. Если власть и государство неразличимо сливаются, то исчезновение одной сущности автоматически уничтожает и другую.

Власть, находящаяся вне государства, не воспроизводится (с этим значительно позже столкнётся наша коммунистическая власть). Подменяя собою государство (чистая тирания) или отождествляя себя с государством (абсолютизм), власть, однажды в конце концов разрушаясь, наносит вред и государству.

Русское самодержавие не отождествляет с собой государство, как западный абсолютизм, и не полагает себя над государством (рассматривая его в качестве средства – как традиционная и тем более современная управляемая демократия). Русское самодержавие является гарантом русской государственности, видя в государстве форму своего существования. В определённом смысле это взаимозависимые, но *разные, симбиотически взаимодействующие сущности*.

Самодержавный принцип власти и добровольное подчинение народа этой власти – мощный и конкурентоспособный принцип. Реализовав в правлении Ивана III принцип самодержавия как принцип цивилизационной самоорганизации, русские достигли очень многого. Они сразу развернули суверенное имперское пространство, которому суждено было только расти.

Исторической особенностью Российского государства, непрерывно за всю его пятисотлетнюю историю обеспечивающего восстановление и преемственность власти (решаемых ею задач), а также цивилизационную преемственность русского человека *даже при радикальной смене политических систем*, стал вынужденный оборонительный характер государственной стратегии и соответствующий этой стратегии военный тип государства. **Русский правитель всегда должен был быть хорошим военачальником. Русские воевали за себя сами, а не пользовались наёмниками, как Византия или олигархии Европы, плохо по этой причине кончившие.** Монголы преподали русским уроки военной и политической верности и преданности, чем пресекли славянскую культуру междоусобиц, политического и военного предательства. Монголы заставили русских объединиться в борьбе и поставить перед собой задачу освоения континентального пространства распавшейся монгольской империи. Суровые природные условия, протяжённость территории, трудности обороны суши при отсутствии водных преград сформировали принцип сотрудничества и взаимопомощи всех народов, входящих

в русскую цивилизацию, которая отвергла узкие рамки национального государства и расширялась как *русская ойкумена*. Свой Александр Македонский нам не понадобился. Мы пошли *другим путём*. Нашествия монгольское, тевтонское, турецкое, польское, шведское, французское, немецкое были отражены, а русская территория в этом процессе стратегически увеличивалась, чем определен и сегодня её самый большой в мире размер.

Вот краткое, но впечатляющее перечисление того, что сделал Иван III, в чём опередил своё время.

Создана и вооружена современная армия. Лёгкие доспехи, огнестрельное оружие, дворянская конница. Мобильная артиллерия, причём уже не импортная: в Москве заработал Пушечный двор – первая казённая мануфактура. Пороховые заводы. Новые крепости (кремли) в различных городах Московского государства.

Разумеется, Московский Кремль. Краснокирпичные башни и стены итальянского дизайна. Грановитая палата. Успенский и Благовещенский соборы. Ошеломляющее каменное ядро нового государства. В этом заслуга и Аристотеля Фиораванти – приехавшего в Москву в 1475 году «посла» эпохи Возрождения, строившего соборы и крепости, чеканившего высококачественную монету, собиравшего бронзовые пушки на колёсах, создавшего кирпичный завод для возведения Кремля.

Горное дело: с 1492 года разрабатываются серебряные и медные копи в Предуралье.

Модернизация управления. Первые приказы.

Между прочим, государственная монополия на спиртное.

Открывается мир, раздвигаются границы. Афанасий Никитин совершает своё «хождение за три моря» именно при Иване III.

Ожидавшийся в 1492 году конец света, как известно, не наступил. Нужны новые пасхалии и новая идеология. Именно при Иване III архиепископ Геннадий создает первую *полную* переводную Библию на славянском языке.

II.1.1.9. Служба как основание собственности и власти в условиях государства

Особый смысл приобретает во времена становления первого Русского государства такой принцип как «служба государева». **Сшивая задачи службы новообретённые пространства, Иван III формирует новый тип государственной элиты. Она становится элитой не по принципу знатности и родовитости, а по качеству исполнения служебного долга. Пример «начальству» подаёт сам государь.** Этот принцип будет воспроизводиться, а реализация его развиваться в государственных проектах Петра I Великого, Ленина-Сталина, его ещё предстоит осуществить в достаточной полноте в государстве Владимира Путина, но подъём современного русского государства идёт именно через этот механизм.

Часто подлинный смысл скрывается за внешними, «материальными» проявлениями так называемой *поместной системы*. Но при этом нужно понимать, что поместье становилось зримым результатом службы, а не наоборот, наличие вотчины – правом для претензии на власть, как это было прежде в русской древности.

Именно тогда складывается и институт «местничества». Он был основан на критериях *знатности происхождения* рода, а именно: а) *давности службы* рода великим Московским князьям; б) *должностного положения* предков в системе государственной (военной) иерархии.

То есть «служилый человек», чьи предки знатнее, не только имел больше шансов, но и обязан был *соответствовать* своим предкам и передать имя и право на «место», не допустив их поругания. Недобросовестное служение ставило клеймо не только на того, кто его допустил, но и сильно ограничивало возможности наследников.

При этом «споры о местах» стали традиционным содержанием внутренней политики для боярско-княжеских родов, а государь должен был выступать в функции арбитра. Любопытно, что и всю последующую историю, и даже в настоящем такие споры продолжают оставаться одним из основных содержаний внутренней политической жизни в нашем государстве. Ничего страшного. Главное, чтобы у государя хватало мудрости и воли каждому из «спорящих» указать его место. Это его *работа*.

Интересно, что **функция служения становится основным механизмом складывания существенно имперского характера единого Русского государства.**

Служить Москве идут татары. Ещё Василий II принимает на службу сыновей Улу-Мухаммеда Касима и Якуба и после их успехов в разгроме Шемяки даёт (1452 или 1453) им в кормление Городец-на-Оке, ставший Касимовым – центром Касимовского ханства. Размеры войска Касима были достаточно велики – топонимы нескольких десятков сёл в этом районе до сих пор имеют татарскую этимологию. Иван III, конечно, оценил возможности татарской конницы – сын Касима царевич Данияр нанёс решающий удар новгородцам в битве на Шелони (1467). Данияр стал любимцем государя. С одной стороны, татарские роды на русской службе ослабляли противников России, раскалывая их по родству, важному для кочевников. С другой – они делали русского великого князя, которому служили, всё более очевидным наследником Золотой (Белой) Орды – *белым царём*, как его начали называть татары и ногаи. Государство Ивана III формируется как принципиально многонациональное и даже многоконфессиональное, притом что православие является основной религией – религией большинства. **Этническое происхождение и вероисповедание имеют вторичное значение по отношению к государственной службе в Русском государстве с самого начала**, безотносительно к сильным православным теократическим тенденциям в развитии государства, основанного Иваном III.

Окончательно многонациональный и многоконфессиональный характер нашего государства будет оформлен при Иване Грозном, а докажет свою прочность и основательность *государство* в преодолении Смуты (первой русской Смуты) и польского внешнего управления в начале XVII века. Именно Русское государство вместе с вооружённым народом и Русской православной церковью станут силами, которые восстановят суверенитет и саму персону русского государя.

Ломка вотчинных обычаев была кардинальной, и в ретроспективе русской истории она не имела прецедентов. Наследные аристократы-бояре, ранее владельцы практически неотчуждаемых вотчин, становились теперь помещиками, то есть «всего лишь» *пользователями* великокняжеской земли – и лишь на время службы князю. На этот период помещику отдавались холопы, а также оброчные крестьяне, потребные и для его содержания, и как *боевые единицы его отрядов в военное время*, когда по приказу великого князя помещик должен был выступать в поход «*конно, людно и оружно*». То есть помещик отнюдь не «рантье», помыкающий «рабами». Он «отец» и «воинский начальник» **своих людей**.

Поместье (эта норма впервые появляется в «Судебнике» 1497 года) можно было отобрать у владельца **когда угодно**. Земля, таким образом, окончательно превращалась в инструмент центральной власти, становясь двигателем карьерных лифтов для «слуг княжих», успешных в военных или административных сферах. По факту выходец из простолюдинов, получивший поместье за доблесть или рвение, был теперь вполне сопоставим с отпрыском боярского рода, потерявшим право унаследовать *удел* и тоже имеющим *поместье*. Огромный фонд княжеских «оброчных» (или «чёрных») земель, населённых непосредственно подчинёнными (но лично свободными, в отличие от холопов) великому князю крестьянами, был мощным ресурсом для распределения пожалований и фактором лояльности новой элиты.

Служба стала основанием для богатства. А большая собственность перестала быть самостоятельным достаточным основанием для доли во власти. Власть стала

пониматься как неделимая. Русская элита отныне должна служить, а не править. Этот ключевой принцип закладывал Иван III в основание своего государства, и попытки элиты уклониться от исполнения этого принципа будут одной из основных причин бунтов, дворцовых переворотов и революций на протяжении всей нашей дальнейшей истории. Они станут и основным содержанием конфликта с традиционной «земельной» элитой государя Ивана IV Грозного.

II.1.1.10. Судебник: государство и право большой страны

Иван III Великий начал ломать древнерусский *правовой обычай*. Он уже не был тем «обычным» князем, который не вмешивается в хозяйственные дела подвластных, ограничиваясь «военным налогом». Государство, охватывающее огромную территорию, которая многократно больше любого самого крупного прежнего княжеского удела, мобилизующее на свою защиту *население в целом*, а не только княжеские дружины, делающее своей основой не семейно-клановые отношения личной верности/предательства, а функциональные отношения службы, не ограниченные родовыми границами, требовало *принципиального развития правовой системы* – Судебника как единого свода законов. А также единого *государственного идеологического документа* – Московского летописного свода как общей исторической концепции русского единства. Иван III возглавил творческий процесс *конструирования государства*, создания *программы его дальнейшего развития*, а не только и не столько военные походы на соплеменников и единоверцев. Собираение земель – это не просто их политическое присоединение или завоевание, а *формирование единой государственной территории*.

Иван III строит высококонкурентоспособное правовое государство Нового времени (в европейском понимании исторической периодизации) на русском материале с принципиальными русскими преимуществами. Система управления государством только складывалась, появились первые признаки «приказной организации», *первые бюрократы – дьяки*.

Вся территория страны была поделена на *уезды*, они в свою очередь делились на *волости* и *станы*. Уездами и городами правили государевы наместники, а волостями и станами – *волостители*, у них в подчинении находились администраторы – *тиуны* и *доводчики*. За свою службу денежного содержания они не получали, содержась за счёт доли от собираемых в казну доходов.

Иван Васильевич успел издать свод законов, отразивший основные итоги его политики. **Судебник Ивана III систематизировал весь опыт и результаты строительства нового государства, придал ему необходимую для государственного правления правовую форму.** Появился важнейший *признак государства*, а именно *нормирование власти законом*. «Русская Правда» Ярослава Мудрого *этой задачи не решала*. Судебник тем не менее опирался на следующие основные источники: редакция «Русской Правды» XV века, «Кормчие книги» XIV–XV веков, новгородская и псковская судные грамоты XIV–XV веков (законы «для бизнеса», судебный процесс в условиях демократии). Наличие «Русской Правды» в числе источников прямо указывает на преемственность русской государственности.

В XVI век Русская земля вступала как единое централизованное государство, в котором старые удельные порядки сохранялись только в виде *реликтов*. Издание Судебника подводило прочную базу под всю дальнейшую законодательную деятельность в грядущем столетии. Это был один из *программных текстов первого долгого Русского государства*. Утверждение, прежде всего, процесса, состязательного устного суда (откуда следует и название документа) даёт основание говорить не только о законе, но и о *правовой системе*.

«Лета 7006 года месяца септемвриа уложил князь вел[ик]ий Иван Васильевич всея Руси с детьми своими и с бояры о суде» – таков заголовок этого уникального памятника. Показа-

тельна и первая статья Судебника. **Она собственно и учреждает суд** как особый институт государства, и судей как беспристрастных и неподкупных.

«СТАТЬЯ 1. Суд осуществляется боярами и окольными в присутствии дьяков. Судьям запрещается брать за производство суда и ходатайств взятки, а также решать дело несправедливо из-за мести или дружбы со стороной».

Кроме процессуального порядка судебных разбирательств и учреждения суда остальные статьи Судебника можно разбить на две группы: преступления против личности и преступления против имущества.

В Судебнике была впервые определена чёткая система наказаний. Но Судебник определял не только порядок суда и наказание. Он регулировал деятельность и самого государства. Дьяки, без которых бояре теперь не могли принимать решения на государственной службе, стали первыми *государственными служащими*. Закреплена поместная система как альтернатива наследственной элите. Введены принципиальные положения, регулирующие новую, *государственную* суть организации жизни всех сословий, включая крестьянство.

Ю. Г. Алексеев:

«Судебник – первый законодательный памятник, упоминающий о новой форме феодального землевладения – поместье. В нём различаются земли вотчинные (боярские и монастырские) и государственные (“великого князя земли”). Последние, в свою очередь, включают поместья и чёрные земли. По определению Судебника, помещик – это тот, “за которым земли великого князя” (ст. 63). Принципиально важным было положение той же статьи, ставившее государственные (чёрные и помещичьи) земли в привилегированное положение по сравнению с боярскими и монастырскими вотчинами: иск о вотчинной земле можно было предъявлять в течение трёх лет, иск о государственной – в течение шести. Статья допускала и земельный иск чёрных крестьян к помещику. В этом постановлении отразилась сложившаяся практика великокняжеской политики последних десятилетий – охрана чёрных земель от захвата феодалами.

Крестьянская масса, уловившая эту тенденцию, чутко на неё реагировала. От 1490–1505 гг. сохранилось гораздо больше судебных дел, отражавших борьбу крестьян за землю, чем за все предыдущие и последующие десятилетия. Формы этой борьбы были разными – от возвращения явочным порядком своих земель, захваченных прежде феодалами, до обращения в суд наместника. До нас дошёл, разумеется, только очень небольшой процент земельных тяжб, возбуждённых в этот период. Сохранившиеся грамоты обнаруживаются в составе монастырских архивов и относятся обычно к делам, выигранным монастырями. Но так было, очевидно, далеко не всегда. Прямые указания источников свидетельствуют об отписании вотчинных земель “на государя” и о раздаче их крестьянам. Наиболее ярким примером такого рода было превращение вотчин новгородских феодалов в “оброчные земли”. Да и сам факт резкого возрастания крестьянских попыток вернуть утраченную ранее землю говорит о том, что борьба волости за землю находила на данном этапе поддержку со стороны великокняжеского правительства.

Охраняя волостные земли, великий князь исходил, разумеется, из государственных интересов. Иван Васильевич, видимо, достаточно хорошо понимал, что чёрные и оброчные земли и сидящие на них крестьяне – материальный и моральный резерв проводимой им политики создания централизованного государства в укреплении его могущества. Статья 63

Судебника, установившая право крестьянского земельного иска к феодалу, была одним из проявлений этой политики»¹¹.

Ещё раз подчеркнём: Судебник регулировал **самые основы русской жизни**. Особенной популярностью у советских историков всех последующих периодов пользовалась 57-я статья о знаменитом «Юрьевом дне». Вся советская историография (а также русская либеральная историография XIX века), подчиняясь марксистской догме, видела в ней «дальнейшее и неуклонное закабаление крестьянства классом эксплуататоров». Однако, как нам представляется, всё было с точностью до наоборот. Крестьянин был «крепок за землёй» прежде всего по естественно-хозяйственным причинам. Судебник предоставлял крестьянам *гарантированное государством право перейти* от помещика к помещику при исполнении ряда обязательств. С другой стороны, государство *ограничивало законом своеволие* боярина или помещика не отпускать крестьян. Это был как раз правовой заслон на пути *закабаления*, а не его расширение. В основание правового регулирования земельных отношений крестьянина и помещика была положена защита сельскохозяйственного производственного цикла.

Ю. Г. Алексеев:

«В литературе широко распространено мнение, что соответствующая статья Судебника (по принятому в печатных изданиях счету – 57-я) была важным шагом на пути крестьянского закрепощения. Но это утверждение весьма сомнительно. Статья 57 (в рукописи ей соответствуют две статьи, обозначенные киноварными инициалами, – 75-я и 76-я) устанавливала единый для всей Русской земли срок Крестьянского “отказа” (ухода от землевладельца) – “за Неделю до Юрьева дни осеннего и Неделю поело Юрьева дни осеннего” (т. е. с 19 ноября по 3 декабря). В этом, собственно говоря, и заключалась вся “новизна” её. Право и возможность ухода крестьянина от землевладельца после окончания сельскохозяйственного года – один из устоев системы феодальных отношений в русской деревне на протяжении веков. “Новизна” Судебника только в том, что вместо разных сроков в разных местностях (в Псковской земле, например, временем “отказа”-“отрока” было 14 ноября) он устанавливал единый срок для всей Русской земли. Это не усиление закрепощения. Это ещё одно подтверждение достигнутого политического единства страны.

Трудно сказать, новой ли была норма, устанавливавшая дифференцированный размер “пожилого”, выплачиваемого крестьянином феодалу при “отказе”. Размер “пожилого” по Судебнику зависел, во-первых, от природных условий (в лесистой местности оно было вдвое ниже), во-вторых, от срока пребывания крестьянина в вотчине феодала. Полный размер “пожилого” (соответственно, рубль или полтина) платился, если крестьянин жил в вотчине не менее четырёх лет. За один год платилась четверть полной суммы, за два – половина, за три – три четверти. Подобные выплаты были в принципе известны повсюду в Европе. По Псковской судной грамоте, например, крестьянин (изорник) при “отроке” выплачивал четверть урожая. Плата за уход от феодала – не что иное, как форма феодальной ренты»¹².

Крепостничество – многовековой институт в истории нашего государства, который и либеральной, и марксистской мыслью (а это мысли *одного философского корня*) выписывался как некое «абсолютное зло» и даже как некоторый якобы фундаментальный культурный при-

¹¹ Алексеев Ю.Г. Указ. соч.

¹² Алексеев Ю.Г. Указ. соч.

знак русского народа – стремление к «рабскому подчинению». Однако крепостничество на Западе было не менее жёстким.

Во-первых, крепостничество на Руси никогда не было тотальным. Были территории, где его не было вообще, начиная с русского Севера и заканчивая казачьими регионами. Существовали черносошное крестьянство и самоуправляемая крестьянская община. Максимальные долевые значения помещичьих крепостных по отношению к общему крестьянскому населению достигаются при Петре Великом (около 55 %). И в начале XIX века (около 57 %). А на момент отмены крепостного права – лишь 36 %. Во-вторых, крестьянин – это тот, кто имеет неразрывную связь с землёй, без работы на земле крестьянство не существует как таковое. Работа крестьянина на земле – это и есть его жизнь. С другой стороны, необрабатываемая земля для условно владеющего ею дворянина не позволит ему обеспечивать своё главное дело – служить «конно и оружно». Установление крепостного права происходило параллельно с формированием служилого сословия от Судебника Ивана III до Соборного уложения Алексея Михайловича. Прикрепление крестьянина к земле первоначально имело хозяйственный (способ производства), политический (крестьянская служба) и экономический (разделение труда) смысл, а не смысл личной зависимости. И закреплялось юридически как способ обеспечения государственной службы дворянства (крестьянство в определённом смысле тоже было частью этой службы). Создание института крепостничества происходило внутри государства Ивана III (от его Судебника) к урочным и заповедным летам Ивана Грозного и было окончательно оформлено Соборным уложением Алексея Михайловича Тишайшего.

Однако с того момента, когда государственная (военная) служба перестала быть основной обязанностью дворянина, исчез и сопутствовавший институт *службы крестьянской*. Этот институт прекратил своё *политическое* существование. Крепостничество превращается в *хозяйственно-экономический институт*, нужный лишь для обеспечения образа жизни дворянства и извлечения дохода (с уплатой налогов). Однако дворяне хотели получить и *политический дивиденд* от своих новых вольностей. Они были заинтересованы в установлении *личной зависимости крестьян*, чтобы иметь основания утверждать, что таким образом они «гарантируют их лояльность» существующему порядку вещей. **И считаться на этом основании опорой трона.**

Таким образом, *фактическое усиление личной зависимости* (а также направленные на него *отдельные юридически оформленные запреты*: менять помещика, жаловаться, добровольно уходить в рекруты и т. п.) происходит не только из стремления усилить экономическую эксплуатацию или реализовать патологические наклонности психики. Но прежде всего **из необходимости** представить государю и государству вместо *действительной службы* в армии и госаппарате *фиктивную политическую роль*. Причём помещики взяли на себя обеспечение **лояльности крестьян** (подавляющей массы населения) **не перед государем** (перед ним народ и так был полностью лоялен до самой пропагандисткой кампании «Распутин живёт с царицей» в 1917-м), а именно **перед государством, перед социальной системой в целом**.

Потому-то личная зависимость крестьян никогда не была юридически оформлена как *рабство*. Ни в *писаном законе*, ни в *обычном праве* (последнее требует и от рабов признания себя таковыми). Ведь иначе положение помещика в отношении крестьян свелось бы **только к собственности, но не власти**. А режим собственности политически защищается **только государством, но никак не собственниками**. Помещики же обязывались поддерживать именно **власть**, что подтверждалось их *обязанностями в отношении крестьян*, весьма существенными в экономическом и гуманитарном плане. Перед рабами **никакой обязанности быть не может**.

Так родилась **ложная государственная идеология** (то есть государственная *утопия*), построенная **не на праве, а на его пробелах или неприменении**. Эта утопия и её политическое функционирование, как правило, и имеется в виду в нашей историографии под неточным име-

нем «крепостное право». Её надо отличать от набора собственно норм закона, описывающих крепостной правовой статус крестьян.

Великая крестьянская реформа, которую уже на закате долгого государства Петра Первого осуществит наконец-то Александр II Освободитель, ликвидирует правовую конструкцию крепостничества, но **не освободит** государство (и государей) от *крепостнической политической утопии*. **Политическая реформа не будет включена** в пакет остальных либеральных реформ, сопровождавших крестьянскую реформу. Это и обойдётся Николаю II потерей трона и жизни, подведя черту под второй фазой русской государственности.

Утрата баланса в правах и обязанностях сословий и есть потеря справедливости.

Именно как элемент хозяйственно-экономической деятельности крепостничество, потерявшее свой изначальный смысл службы, уже во второй половине XVIII века стало серьёзной проблемой Российского государства.

Нельзя сказать, что русские государи не осознавали проблему крепостной системы как политическую.

Первое слово о проблеме сказал Пётр III, первым давший вольность дворянству. Решить её пыталась ещё Екатерина Великая, дворянскую вольность подтвердившая. Многое сделал Николай I. Александр II Освободитель освободил крестьян, но **проблема земельной собственности**, а не только политической конструкции государства, осталась одной из важнейших причин вовлеченности крестьянства в революцию и Гражданскую войну 1917 года. Подробно эту ключевую для нашей истории проблему мы рассмотрим ниже при обсуждении реформ Александра II Освободителя.

Принятие Судебника 1497 года Иваном III создало необходимую полноту нового Русского государства, завершило и оформило его учреждение. Судебник помещал государеву самодержавную власть внутрь государства и его правовой формы. **Очень важно, что это был закон, идущий от нашей же жизни, опиравшийся на нашу государственную программу, созданную нами самими для нас самих.**

Ю. Г. Алексеев:

«Судебник явился важнейшим актом государственной политики Ивана III в последний период его великокняжения. Если до 1480 г. основным стержнем политики была подготовка к свержению ордынского ига и органически связанная с этой подготовкой борьба за единство Русской земли под главенством великого князя московского, то в 80-х – начале 90-х гг. происходит фактическая ликвидация системы уделов и утверждение суверенитета Российского государства на международной арене и одновременно идёт процесс оформления судебно-административной структуры нового государства. Именно к этому времени относится издание Белозерской Уставной грамоты, дальнейшее развитие системы ведомств и как венец всей этой устроительной деятельности – издание Судебника. Хотя оно было подготовлено всем ходом многолетней политики Ивана III, издание Судебника явилось принципиально новым и важнейшим шагом в строительстве Российского государства, шагом, по своему значению адекватным победе на Угре и обретению национальной независимости.

В этом смысле Судебник может рассматриваться как крупнейшая реформа, обозначившая формирование нового Российского государства, нового этапа в развитии русской государственности и политического самосознания, и именно в этом его основное значение.

Это новое государство, пришедшее на смену старой системе княжеств и городов, можно назвать земско-служилым – русским

вариантом централизованной монархии позднего Средневековья. Русская государственность основывается на традиции, идущей от Киевской Руси, и является продолжением этой традиции. Средневековая русская государственность в форме самодержавия опирается на нравственные принципы православия, исповедуемые народом. Реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России.

Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало “закрепления сословий”. Обязанность государственной службы, т. е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всяя Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными¹³.

Средневековый патернализм не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX–XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом. Освященный Православной Церковью патернализм – многовековая основа русского национального самосознания, впервые ясно проявившаяся в период создания единого государства и освобождения от чужеземного ига. В силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между государем и его подданными, как не может быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье. Отсутствие договорных отношений было не проявлением “бесправия”, “восточного деспотизма”, а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией её государственного единства, независимости и самого её существования.

Общинные отношения, ясно проявившиеся во многих статьях Судебника, отражали тот же дух неизжитого коллективизма, чувства единства и единения, взаимной помощи и поддержки, свойственный всем европейским народам на определённом этапе их истории, но в дальнейшем утраченный их большинством. На Руси, вследствие специфики её природных условий, особенностей исторического развития, благодаря православной вере с её неодобрительным отношением к стяжанию и любоначалию, общинный дух составил одну из основ национального менталитета. Община крестьянская, городская (посадская), служилая (служилый город) образовала основную структуру Российского государства, венчаемую патерналистской властью государя всяя Руси.

Такой строй отношений, не знавший формального договора, исключал возможность появления сословий как замкнутых в себя корпораций, ограждённых писаным правом, вырванным в упорной борьбе с королевской властью за свои привилегии. В этом смысле исследователи, отрицающие, подобно Х. Торке, наличие на Руси сословий западноевропейского типа, правы. Тем не менее, сословия на Руси были – достаточно широкие социальные группы с определёнными комплексами прав и обязанностей,

¹³ Здесь и далее курсив наш. – Авт.

передаваемыми по наследству. И Судебник фиксирует наличие таких сословий. Основной особенностью сословий на Руси была подчинённость земскому общегосударственному интересу, который ставился выше, чем интерес собственно корпоративный. *Русские сословия складывались не в борьбе с государственной властью, а в защите её, во имя общенациональных интересов.*

Русское государство выросло из общины, создано как иерархическая система общин, подчинённых общеземской власти в лице государя всея Руси – гаранта правды и милости в духе православного менталитета.

Самодержавие русского государя, не регламентированное писаными законами, есть нечто весьма далёкое от деспотизма. Власть государя ограничена нравственным законом православия и традицией, основанной на этом законе.

В этом смысле земско-служилое самодержавное Русское государство Ивана III близко к Франции Филиппа-Августа и Людовика Святого.

Отсутствие антагонизмов между общинами и “землёй” – государством – одна из наиболее характерных особенностей политического строя, сложившегося на Руси к концу XV в. и отражённого в Судебнике.

Важнейшей реформой Ивана III явилось создание центрального аппарата управления, зафиксированного в первой части Судебника. Аппарат управления, подчинённый власти великого князя, знаменовал отход от прежней вотчинно-княжеской системы управления с её развитыми частно-служилыми отношениями. Судебник провозгласил основную идею судебно-административного устройства – отправление судебных функций есть обязанность, а не право должностных лиц – служилых людей государя. Эта идея последовательно проходит через все статьи Судебника, посвящённые и местному суду. Устанавливая определённую иерархию присутственных мест, Судебник тем самым создаёт целостную систему, охватывающую в принципе всю территорию государства, все слои населения, все виды судебно-административной деятельности.

Основная идея Судебника – приоритет общего над частным, государственных интересов над партикулярными. Этот принцип последовательно выдерживается во всех статьях памятника – посвящённых как административным, так и социальным вопросам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.